

88. Schares G. Czechoslovakia: reluctant reform // International business week. — N.Y., 1991. — N 3199-529. — P.30.
89. Schares G., Olsen K. Hungary: a giant step ahead // International business week. — N.Y., 1991. — N 3199-529. — P.30.
90. Templeman J., Olsen K. Eastward, no. The pioneers plunge in // International business week. — N.Y., 1991. — N 3199-529. — Pp.24-27.
91. Thornhill I. Investors in Russia look for political stability // Financial times. — L., 1996. — 15 Jan. — P.20.
92. Trade and payments arrangements for states of the former USSR // Studies of economics in transformation. — N.Y., 1992. — N 2. — 15 p.
93. Wapenhans W. The challenge of economic reforms in Eastern Europe // Finance development. — Wash., 1990. — Vol.27, N 4. — P.2-5.
94. Wolf M., Freeland Chr. The adjustments to the lear // Financial times. — L., 1997. — April 2. — P.17.

МАКАРОВА С.М.
СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПРОБЛЕМЫ И
ПЕРСПЕКТИВЫ
НЕЗАВИСИМОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
 (Научно-аналитический обзор российской и зарубежной литературы)

Введение

Страны Центральной Азии (СЦА) — Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан объявили независимость в конце 1991 г. и, как и другие бывшие советские республики (БСР), начали построение национальных государств и переход от централизованно планируемой экономической системы к рыночной и к интеграции в мировое хозяйство. Образование этих государств послужило одним из толчков глобального передела сырьевой и энергетической базы и инфраструктуры и формирования нового мирового экономического порядка. В связи с этим новые государства привлекли огромное внимание зарубежных и российских специалистов и политиков. Первые экономические публикации носили в основном информационный характер, а с 1995-1996 гг. эксперты международных экономических и финансовых организаций стали включать СЦА в исследования переходных экономик Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) с целью проследить закономерности и особенности хода экономических реформ, макроэкономической стабилизации и структурных преобразований. Речь ведется о путях интеграции СЦА в мирохозяйственную систему с учетом потенциала богатых природных ресурсов, особого геополитического положения региона, обширного рынка сбыта, грамотной и дисциплинированной рабочей силы.

В основном экономическую литературу о БСР можно условно разделить на три части. Первая группа — это работы сторонников монетаристских взглядов, прежде всего экспертов МВФ, частично Мирового банка (МБ), как правило их цель — доказать правильность выбора переходными экономиками радикальной монетаристской стратегии реформы. Количественно эти работы абсолютно преобладают. Вторая группа — работы авторов-градуалистов, которые доказывают, что радикальные реформы дороги и предпочтительнее замедленный подход; таких публикаций значительно меньше. Третья группа авторов — достаточно многочисленная — занимает промежуточное положение, на примерах отдельных стран они показывают, что радикальная политика имеет важные преимущества, но положительные результаты может дать и более медленная реформа. Например, специалисты МБ признают, что из двух возможных способов перехода — широкомасштабного и быстрого или частичного и поэтапного — каждый имеет свои риски и преимущества, но “многие страны начали переход, не имея возможности выбора между ними”, стартовые обстоятельства — экономические и политические — сильно влияли на характер проведения реформ и их результаты (39, с. 9).

В своих исследованиях специалисты и эксперты международных финансовых и экономических организаций базировались на официальной национальной статистике, на сведениях, полученных на месте из правительственных источников в ходе работы экспертных групп (например, при подготовке к вступлению СЦА в МВФ), на данных советской статистики, которая в Советском Союзе была частично засекречена, и лишь впоследствии стала открытой (например, сведения о детской смертности и др.); использовались и данные полевых исследований, и собственные расчеты.

В ходе анализа экономических реформ в СЦА, как правило исследуются два процесса — внутренняя трансформация экономики в рыночную и изменение внешней ориентации страны. Почти все специалисты и политики обсуждают перспективы отношений СЦА с Россией, многие ставят вопрос, будут ли СЦА снова поглощены Россией или попадут под влияние других мощных соседей, например Китая. Отдельные западные исследователи отводят России незначительную роль, полагая, что прежнее решающее влияние Советского Союза на СЦА исчезло полностью, отношения их с

Россией больше не являются главенствующими (М.Манц, М.Мандельбаум и др.) (30, 31); им возражает американский экономист Дж. Бреммер: “Россия на деле остается единственным экономическим игроком в регионе” (28, с. 10). С ним согласны Д. Хиро и Р. Кемпбелл, мотивируя это слабостью связей СЦА с мировыми рынками и близостью России и стран СНГ. Правда Кемпбелл оговаривается: достаточно трудно определить, как быстро будут восстанавливаться их экономики и расширяться рынки, способные служить локомотивом для роста СЦА; к тому же любая реинтеграция с Россией будет напоминать о колониальном прошлом (29, с. 228).

Дж. Хенли (Эдинбургский ун-т, Шотландия) и Г.В. Ассаф (ЮНИДО) объясняют замедленное движение СЦА по пути реформ узаконенностью политического и экономического российского контроля и оторванностью региона от прямых торговых и деловых связей с остальным миром; в то же время они подчеркивают парадоксальность того, что при общемировом движении к региональному сотрудничеству и интеграции СЦА усиливают свой дрейф в сторону от распавшегося Союза (41, с. 131).

Большинство названных специалистов, а также Г. Фуллер, Э.Олворт и др. считают наиболее сильной тенденцией неизбежную интеграцию региона во внешний мир: отношения с ним были искусственно оборваны во времена царской и большевистской империй; сейчас они восстанавливаются и будут ослаблять монополистический характер связей России с СЦА (30, с.119-120; 31, с. 187). Сопоставление относительной цены сохранения и разрыва этих связей для обеих сторон в большой степени определяет трудности поиска нового места СЦА в геополитическом и экономическом пространстве и выработки политики России в этом регионе.

Экономическое наследие СЦА

Возможности и пути решения трудных задач переходного этапа СЦА определялись в первую очередь особенностями экономики, унаследованной от советского периода хозяйствования. Ее основными характеристиками все специалисты называют высокую степень специализации и интегрированности в общесоюзную экономику, взаимозависимость и социальную отсталость. Многие

исследователи (Дж. Сапир, Г. Шредер и др.) определяют экономику азиатских стран как колониальную и подчеркивают разрыв в уровнях развития и жизни между развитым северо-западом и отсталым юго-востоком Союза (51, 37). По уровню экономического развития только Казахстан входил в группу республик со средним развитием — его ВВП на душу населения равнялся 90% от среднесоюзного значения, остальные азиатские республики относились к группе с низким уровнем развития — здесь размер ВВП на душу населения составлял от 75% до 50% от среднесоюзного (13, с. 573-574). В 1989 г. он равнялся в Киргизии и Туркмении половине, а в Таджикистане и Узбекистане одной трети российского; вдвое выше, чем в России, была доля сельского населения и близкая к самым высоким в мире показателям детская смертность. Совокупная доля азиатских республик в общесоюзном производстве равнялась в 1989 г. 8,6%, а их население составляло около 17% общесоюзного (41, с. 126; 51, с. 171; 37, с. 796). Республики были слабо индустриализованы (кроме, может быть, Казахстана), преобладали сельскохозяйственное производство и добыча сырья при слабом развитии переработки, например, регион выращивал почти весь советский хлопок, но производил только 8,5% хлопчатобумажных тканей (37, с. 944).

Экспортируя минеральное и сельскохозяйственное сырье, республики были вынуждены импортировать оборудование, энергоносители, значительную часть, а иногда и все необходимые продовольственные и потребительские товары. В проведенном экспертами "Дойче банка" исследовании жизнеспособности США в качестве независимых государств Казахстан набрал из 120 возможных только 55 баллов, Узбекистан получил 32, Туркмения 27, Киргизия 24 и Таджикистан — 18 баллов (см. МЭМО, 1993. N 12. — С. 18). Степень самообеспеченности республик была отрицательной по всем основным отраслям промышленности, кроме легкой (за исключением Казахстана) и сельского хозяйства. В 1970-1990 гг. постепенно снижалась доля и эффективность инвестиций (37, с. 127, 129; 35, с. 5). При постоянной скрытой безработице положение усугублялось высокими темпами роста численности населения и увеличением доли детей и молодежи работоспособного возраста, что еще больше снижало уровень жизни и усугубляло проблему занятости. Существовавший всегда разрыв между показателями реального потребления на душу населения в европейских и азиатских республиках в 70-80-е годы увеличивался (37, с. 131). Когда впервые в 1989 г. в Союзе была определена черта бедности (на уровне 78 руб. в

месяц), общий доход ниже 75 руб. имели 2% населения Прибалтики и 5% России, но от 33% до 50% в азиатских республиках.

Неравенству уровней экономического развития республик, их отсталости и бедности населения исследователи разных направлений придают большое значение. Дж. Сапир вполне обоснованно пишет, что региональное неравенство было очень важной, если не решающей причиной распада Союза (51, с. 170).

В республиках не сложилась самостоятельная экономическая структура, сырьевая монокультурная специализация вела к масштабной взаимозависимости и взаимодополняемости в пределах Союза и очень высокому уровню внешней торговли: при общесоюзном показателе 25% ВВП в конце 80-х гг. в Казахстане она составляла 34% ВВП, а в остальных республиках 40-45%, при этом доля межреспубликанской торговли была выше 80%, иногда достигала 90-95% экспорта (33, с. 37), свидетельствуя о чрезвычайной степени изолированности от международных рынков.

Такая зависимость стала основанием для взаимных язвительных обвинений и споров республиканских лидеров, экономистов и политиков по поводу того, "кто кого кормит"; в значительной степени связанные с этим обиды питали иллюзии самодостаточности, русофобию и центристские тенденции республик после распада Союза. Наиболее часто употребляемый и убедительный аргумент — это то, что торговый баланс в рублевых ценах не давал правдивой картины товарообмена из-за искаженных советских цен, которые не отражали реальных издержек и себестоимости товаров.

В таких условиях США после провозглашения независимости пришлось столкнуться со множеством новых и сложных проблем, решать которые чаще всего надо было в экстренном порядке и одновременно.

Концепции и ход экономических реформ в США

Решения об экономических реформах руководителям США пришлось принимать в условиях, когда, по оценке экономиста-эксперта ООН Дж. Ван Брананта, советская экономика в период горбачевской перестройки, уже к 1988 г., т.е. до распада Союза, пережила ужасающий провал: дефициты были всеохватны, производство падало устрашающими темпами, производительность

труда снижалась, безработица и бедность становились явными, бюджетный дефицит вышел из-под контроля, внешние дисбалансы росли, инфляция вздыбилась и реальная стоимость рубля размывалась (37, с. 147, 149). Распад Союза к тому же сопровождался разрушительной дезинтеграцией народно-хозяйственного комплекса. По разным оценкам, на долю этого фактора приходится от 40 до 60% интенсивности спада производства (46, с. 22; 15, № 88, 17.06.1997, с. 1).

Для СЦА это усугублялось утратой крупных трансфертов из центра, достигавших 10% ВВП (Казахстан и Туркмения в 1990 г.) и даже 21% (Узбекистан в 1991 г.) и ростом цен на нефть и нефтепродукты в 1992 г., в результате которого условия торговли по подсчетам экспертов МВФ, улучшились для России на 73%, Туркмении на 11% и Казахстана на 3,6%, а для Киргизии ухудшились на 5,5%, для Таджикистана и Узбекистана на 10-11% (37, с. 167). Сокращение объема внешней торговли СЦА в 1991 г. составило от 37% в Туркмении до почти 44% в Таджикистане (33, с. 41). Либерализация цен в начале 1992 г. принесла все те негативные явления, что и в России: нарастала инфляция, падало производство, росла задолженность между предприятиями.

Наибольшее сокращение уровня производства в СЦА пришлось на 1994 г., оно упало на 61,3% в Таджикистане, 51,2% в Казахстане, 50,6% в Киргизии, 35,6% в Туркмении и только на 15,6% в Узбекистане. Инфляция во всех СЦА измерялась четырехзначными цифрами, в Казахстане ее пик пришелся на 1992 г. — 2566%, в 1993 г. — она была наивысшей в Таджикистане — 7343%, в Туркмении — 9743% и в Киргизии — 1365%, на 1994 г. пришелся пик инфляции в Узбекистане — 1233% (36, с. 50, 52).

Резкий и глубокий спад экономисты МБ вполне обоснованно объясняют сдвигами в спросе в результате либерализации, распадом СССР и СЭВ, разрушением системы поставок из-за исчезновения или отсутствия соответствующих институтов и искажения мотиваций (39, с. 26). На этом этапе эксперты МВФ, к которому обратились все страны региона и в 1992 г. стали его членами, считали, что экономические реформы должны быть: 1) реалистическими, т.е. с ясным пониманием того, что трансформация требует длительного времени; 2) сбалансированными, т.е. макроэкономическая стабилизация с самого начала должна сопровождаться созданием законодательной базы, регулирующих институтов и такими изменениями на уровне предприятий, чтобы они подчинялись

рыночной дисциплине и отвечали на рыночные сигналы; 3) координированными, т.е. реформы каждой страны должны учитывать свое воздействие на соседей и быть взаимоподдерживающими (33). Программы стабилизации под эгидой МВФ первой начала осуществлять Киргизия с мая 1993 г., Казахстан с января, Узбекистан с ноября 1994 г., Таджикистан с февраля 1995 г.

Формирование программ экономических реформ в СЦА было начато в основном с 1991 г. Они предусматривали либерализацию, приватизацию, создание новых банковских и налоговых структур, привлечение иностранного капитала, свободу предпринимательства и другие нормативные меры. СЦА отвергли принцип “шоковой терапии” и приняли решение двигаться постепенно, так что некоторые специалисты оценивали их подход к преобразованиям как консервативный, а эксперты МВФ упрекали в чрезмерной замедленности реформирования. По-разному оценивалась киргизская реформа, некоторые эксперты МБ считали ее столь же радикальной, как в прибалтийских республиках (37, 39). Определяющим для СЦА был принцип активной роли государства как реформатора и собственника; все СЦА провозгласили курс на преодоление узкой специализации и структурную перестройку народного хозяйства с ориентацией на наиболее доходные с точки зрения экспорта отрасли.

В концепциях, а также в особенностях и темпах продвижения по пути реформ проявились экономические, политические, исторические и этнодемографические различия республик. Но все СЦА одинаково страдают от политических и экономических неопределенностей, беспрецедентных масштабов трансформации в условиях экономического кризиса и очень низкого уровня жизни населения. К тому же, как писала еще в 1992 г. М.Олкотт (Колгейтский ун-т, США), вину за экономические трудности и падение уровня жизни уже нельзя больше сваливать на Москву, что усложняет проблемы правительств СЦА (49).

Достаточно последовательно шли реформы в Казахстане. Эксперты из “Дойче банка” видели в нем модель для всей ЦА, будущего “азиатского тигра”. Перспективы страны связывали с более развитой, чем в других СЦА, промышленностью и особенно с богатыми и разнообразными природными ресурсами. По словам президента Н. Назарбаева, потенциальные запасы минерального сырья оцениваются экспертами почти в 9 трлн. долл., причем на Казахстан приходится 10% мировых разведанных запасов меди и

железной руды, 13% цинка, 19% свинца, 25% марганца, 30% хрома, он занимает первое место в мире по запасам урана и второе по содержанию золота в руде; страна выходит в число ведущих нефтедобывающих регионов планеты (21, № 13, июль 1997, с.4; 16, 4.06.1998, с. 3). Зарубежные эксперты, считая, что официальная статистика завысила цифры с целью привлечения иностранных инвесторов, признают, что Казахстан действительно очень богат природными ресурсами в их хорошем сочетании. К тому же он обладает значительным зерновым экспортным потенциалом.

Гарантом экономических реформ в Казахстане западные аналитики считают самого президента Н.Назарбаева. Английский журнал "Бэнкер" пишет о нем: "Самовластный и искусный аппаратчик старой коммунистической гвардии, он приправил свой старого стиля авторитаризм сильной дозой экономического либерализма. Во многих случаях в качестве своей модели он рассматривает азиатские "тигриные" экономики, а не рыночные демократии Запада" (32, с. 38).

Все годы существования СНГ Назарбаев выступает как самый инициативный и деятельный сторонник развития сотрудничества с БСР, особенно с Россией, за реализацию в СНГ "естественного стремления к сближению" (16, 4.06.1998, с. 3).

В 1993-1995 гг. Назарбаев значительно укрепил свое положение серией конституционных поправок, по поводу чего ряд экспертов высказывает открытое удовлетворение: "Недемократично, да, но зато есть гарантия, что Казахстан останется среди наиболее стабильных государств в бывшем Советском Союзе". Отмечается далее, что в 1997 г. Назарбаев осуществил еще два важных мероприятия. Во-первых, он сократил число министерств и госкомитетов с 47 до 25, соответственно сильно уменьшив чиновничий аппарат, и переместил столицу в Акмолу под новым названием Астана. При всей своей непопулярности, это были меры радикального сокращения государственных расходов и влияния "легиона вздорных, ссорящихся коррумпированных чиновников, являющихся главным камнем преткновения для политики экономического роста". Во-вторых, он заменил А.Кажегельдина на посту премьер-министра Н. Балгимбаевым, главой государственной нефтяной компании, который разделяет недоверчивость Назарбаева к МВФ и, в отличие от своего предшественника, не станет его конкурентом (26а, с. 49).

Главными направлениями перехода к рынку

правительственными программами в Казахстане были определены структурная перестройка экономики, преодоление технического и технологического отставания, формирование рыночной экономики и конкуренции при сохранении значительного госсектора и государственного регулирования, активное использование иностранных инвестиций, завоевание позиций на мировом рынке, опережающее развитие перерабатывающих и наукоемких производств, сохранение общего экономического пространства СНГ, координация экономической политики его стран-членов и формирование межгосударственных органов Содружества (12).

Документы и обобщающие работы казахстанских руководителей показывают, что в основу казахстанской политики реформ был положен принцип планомерных и системных, рассчитанных на долгие годы и управляемых государством преобразований. Согласно программе, формирование социальной рыночной экономики предполагалось осуществить за 15-20 лет в три этапа: 1) 1992-1995 гг. — макроэкономическая стабилизация, борьба с инфляцией, разгосударствление значительной части государственной собственности; 2) приблизительно к 2005 г. преодоление сырьевой направленности экономики и создание рыночной инфраструктуры; 3) в последующие 5-7 лет вступление в круг новых индустриальных стран (НИС) и ускоренное развитие экономики открытого типа (3).

Переход к рынку начался в условиях кризиса и резкого ухудшения экономического положения, которое еще более осложнилось со второй половины 1993 г., когда рухнули надежды на сохранение единой рублевой зоны. Введение национальной валюты — маната в конце 1993 г. позволяло проводить независимую макроэкономическую политику и с середины 1994 г. были предприняты жесткие антиинфляционные меры, решительные шаги по реструктурированию, завершена либерализация цен, либерализована внешняя торговля, шла приватизация, хотя и отмечалось запаздывание на отраслевом и микрохозяйственном уровнях. Сокращение расходов позволило снизить уровень инфляции, что приостановило падение реальных доходов наиболее низкооплачиваемых слоев населения (42а).

В 1996 г. было объявлено, что экономика вступает во второй этап реформ, "характеризующийся относительной макростабилизацией и переходом с инфляционной ступени в инвестиционную" (11, с. 6). "Среднесрочная программа углубления реформ" переносила акценты с макрополитики на микроуровень, а

также на повышение реальных доходов занятого населения и усиление социальной защиты малоимущих групп; антиинфляционная политика переходила из "разряда доминирующих в категорию обеспечивающих" (11, с. 7-8).

По оценкам Н.Назарбаева, в 1996 г. в основном завершилось реформирование сырьевого комплекса и тяжелой промышленности; остановлено падение производства и ВВП вырос на 1%, в некоторых секторах начался подъем, за два года почти удвоилась средняя зарплата, за год в два раза снизилась инфляция, в частном секторе находится уже 70% промышленности, создан один из наиболее благоприятных в США климат для иностранных инвестиций (21, № 2, янв. 1997, с. 4; № 3, февр. 1997, с. 4; 15, № 88. 17.06.1997, с. 2).

В 1997 г. экономический рост продолжился и составил 2%, инфляция равнялась 11% вместо ожидавшихся 18% по сравнению с 39% в 1996 г. (26а, с.49; 21, № 2, янв. 1998, с. 4). Укрепится ли эта слабая тенденция роста в 1998 г., пишет эксперт "Экономик интеллидженс юнит" (ЭИЮ), зависит от восстановления экономики в России, ослабления денежных ограничений и роста займов промышленности. Он считает, что экономический рост в Казахстане происходит за счет иностранных инвестиций, чье внимание сейчас распространяется помимо сектора природных ресурсов также и на быстро растущие и плохо обеспеченные потребительские рынки (24а, с.49). Иностранный капитал поступает в страну и в виде инвестиций, и в виде займов и кредитов (см. табл.).

Таблица 1 (10а, с.67).

Иностранные займы (в млн. долл.)

	1993-1994 гг.	1995 г.	1996 г.
МВФ	280,03	141,09	135,18
МБРР	182,44	106,85	226,84
ЕБРР	1,51	21,47	13,59
АБР		63,68	32,32
Эксимбанк Японии	86,53	152,41	75,0
Экспортные кредиты	880,49	264,99	143,56

Внешние заимствования Казахстана, как и других БСР, объясняются прежде всего дефицитом и высокой стоимостью внутренних ресурсов: процентная ставка Национального банка

Казахстана (НБК) в конце 1996 г. равнялась 35% годовых, коммерческих банков — 59% в национальной валюте и 18% в СКВ; между тем МБРР, МВФ, АБР кредитуют из 7-8% и на срок от 10 до 35 лет (10а, с. 68).

По оценкам ЕБРР и журнала "Бэнкер", казахстанская экономика медленно восстанавливается и становится с каждым днем здоровее. Но надежды на нефтяной и газовый бум пока не оправдались. Как считает один из экспертов ЭИЮ, можно было ожидать, что развитие месторождений и транспортировки газа и нефти будут заморожены из-за продолжавшихся дискуссий между сторонами, заинтересованными в ключевых проектах Каспия и Карачаганакского месторождения, и отсутствия финансирования. (В итоге инвестиции в добывающую промышленность росли медленнее, чем в другие отрасли.) Здесь важнейшая роль принадлежит России как монопольному владельцу трубопровода. По мнению тогдашнего премьер-министра А.М. Кажегельдина, "проблема трубы" носит скорее политический, чем экономический характер (20, № 109, 28.11.1996, с. 2).

На внутреннем рынке Казахстана спрос на нефть сейчас не превышает 13 млн. т в год, его рост в ближайшие годы поднимет эту цифру до 20 млн. т, а запасы нефти в стране, по разным прогнозам, составляют от 6 до 12 млрд. т. "Естественно, — говорит Назарбаев, — мы ищем, будем впредь искать партнеров, способствующих росту нашего экспорта нефти". В частности, он ожидает, что только три контракта с США и Китаем, связанные с транспортировкой и добычей нефти и газа в прикаспийском регионе, принесут Казахстану около 40 млрд. долл. Инвестиций; по объему каждый из этих контрактов, по словам Назарбаева, не имеет аналогов в мире (16, 4.06.1998, с. 3).

Приватизация в Казахстане началась в конце 1991 г. Первоначально предприятия передавались трудовым коллективам по очень благоприятным ценам. Но к середине 1992 г. правительство при помощи МБ и ЕБРР разработало новую комплексную программу, она предусматривала три этапа: 1) продажу к концу 1994 г. через местные аукционы почти всех малых предприятий; 2) в 1992-1996 гг. массовую приватизацию 3,5 тыс. средних и крупных несельскохозяйственных предприятий с продажей доли акций инвестиционным фондам, использующим купоны, вложенные частными лицами; 3) приватизацию крупных или специализированных предприятий п-

индивидуальным проектам, главным образом через международный тендер.

Второй этап приватизации начался в 1993 г., предусмотренная им массовая приватизация уже по существу завершена: перешли в частную собственность более 17 тыс. малых предприятий (до 200 занятых) и объектов соцкультбыта, получено 2369,9 млн. тенге, т.е. 31,4 млн. долл. (21, № 18, сент. 1997, с. 4). В феврале 1996 г. начался третий этап приватизации; он охватывает крупные предприятия-монополисты, “требующие индивидуального подхода”, в электроэнергетике, металлургии, нефтедобыче, телекоммуникациях и др. По словам Н. Назарбаева, “весь рост экономики Казахстана как раз дают приватизированные предприятия. Медная промышленность Казахстана, черная металлургия, от которых мы никогда ни копейки не получали — все уходило в союзные Минцветмет, Минчермет, сегодня формируют бюджет страны. Только одна “Казахмедь” дает 350 млн долл. в год. Никогда Казахстан не получал таких денег. Но проблемы остаются” (16, 4.06.1998, с. 1).

В последние два-три года происходила интенсивная передача уникальных предприятий-монополистов в иностранное управление — как промежуточная подготовительная стадия приватизации. Государство оказалось не в состоянии вывести их из полосы экономических затруднений и теперь поставило целью привлечь необходимые капиталы, технику, технологию и управленческий опыт. По словам президента, было отдано в иностранное управление 50 крупных промышленных предприятий, в т.ч. железорудной, алюминиевой, феррохромовой, химической промышленности, электростанции, среди них те, которые после распада Союза практически остановились, напр., Соколовско-Сарбайский горно-обогатительный комбинат (основной поставщик Магнитки), Экибастузский угольный разрез (поставщик ста российских электростанций), Карагандинский металлургический комбинат (производитель 70% союзной тонкой жести) и др. Н. Назарбаев утверждал, что “прежде всего хотели работать в этом направлении с российским правительством, но у российских компаний не нашлось необходимых денег”, и предприятия отдали тем, кто предложил более выгодные условия (21, № 11, июнь 1997, с. 4).

Многие из этих предприятий увеличили выпуск продукции, наладили выплаты зарплаты, налогов и долгов по кредитам, модернизировали производство. Огромные средства в разработку Тенгизского нефтегазового месторождения инвестирует

американская фирма “Шеврон”, в телекоммуникации — южнокорейская “Дэу” и другие, причем многие иностранные компании успешно выполняют свои контрактные обязательства (20, № 14, 26.П.1998, с. 1, 2; 20, № 24, 7.IV.1998, с. 5). Но масштабы таких операций вызывали беспокойство: Казахстан стал первой и единственной страной, активно передающей в управление, а затем и в собственность иностранным фирмам почти целые отрасли. Поэтому важно, предупреждала казахстанский специалист Л.Музапарова, просчитывать, насколько велика и объективна потенциальная угроза для безопасности страны и как она увеличится лет через пять и больше (9, с. 98).

На этом этапе приватизации в Казахстане выявилась важная и конфликтная проблема — определение цены предприятия. Оппозиция обвиняла правительство в распродаже госсобственности по бросовым ценам: за 1995 г. 30 крупнейших госпредприятий, в т.ч. нефтедобывающие, металлургические, угледобывающие и электростанции были проданы быстро и дешево. Официальные лица объясняли, что это позволяло осуществить жизненно важные вливания в умирающие предприятия; заместитель председателя Комитета по приватизации Ю. Дуберман говорил: “Если мы не будем продавать предприятия задешево, их выкинут на свалку” (20, № 102, 31.10.1996, с. 7).

Но уже осенью 1997 г., накануне смены состава кабинета министров, Н.Назарбаев высказал неудовольствие по поводу того, что ряд стратегических предприятий страны оказался собственностью иностранных компаний. Новый премьер-министр в начале 1998 г. заявил о приостановке приватизации в нефтегазовой отрасли, а министр энергетики, индустрии и торговли оценил деятельность большинства управляющих иностранных компаний как “крайне негативную”. Вслед за этим начался передел сфер влияния в металлургии: было объявлено о создании транснационального металлургического концерна “Союз металл ресурс” в составе ведущих предприятий цветной металлургии России, Казахстана, Украины и Таджикистана.

Складывается впечатление, что Казахстан решил повернуть руль и начать наступление на иностранный капитал. Отношения иностранных инвесторов с казахстанскими властями складываются нелегко. Список корпораций, которые уже лишились лицензий и контрактов, непрерывно пополняется; среди них есть и “киты” мирового бизнеса. Выражая их недовольство, журнал “Бизнес уик”

пишет по этому поводу, что правительство Казахстана "предпочитает партнеров, способных быстро выплачивать бонусы и помогать в затыкании бюджетных дыр, а не тех, кто в состоянии обеспечить долгосрочный инвестиционный потенциал", к тому же иностранные инвесторы в Казахстане жалуются на коррупцию и считают первостепенной необходимостью радикальную реформу нормативной базы, регулирующей их деятельность, поскольку туманность и нечеткость многих законов позволяют должностным лицам творить произвол. Прогнозировать результаты смены приоритетов в политике правительства чрезвычайно трудно, поскольку национальная экономика по-прежнему остро нуждается в притоке капитала.

Иностранный капитал принимает активное участие в приватизации в Казахстане. Только за 1996 г. иностранные фирмы стали полными владельцами десятков крупных промышленных объектов, прежде имевших общесоюзное значение. По итогам 1996 г. Казахстан получил 15,18 млрд. тенге (203,52 млн. долл.) и 402,7 млн. долл., в основном от приватизации по индивидуальным проектам (21, № 2, янв. 1997, с. 4). Прямые иностранные инвестиции в экономику страны за 1993-1995 гг. достигли 2,882 млрд. долл. (20, № 73, 23.07.1996, с. 1); за 1989-1995 гг. она получила в качестве иностранной помощи 1,8 млрд. долл. Из них 1,3 млрд. в 1994-1995 гг. (32, с. 55). Основной формой участия иностранного капитала стали совместные предприятия. В начале 1996 г. действовало 746 СП (27% от общего числа зарегистрированных) с уставным фондом 15,5 млрд. тенге. 449 СП располагалось в Алма-Ате; в основном это были малые и средние торговые предприятия (7, с. 80, 84).

По словам экспертов ЭИЮ, Казахстан страдает от типичных для посткоммунистического периода неплатежей, долгов по зарплате, пенсиям и пособиям, от общих недостатков банковского дела — недокапитализации, низких доходов, слабого менеджмента, инфляционной обстановки. Н.Назарбаев признает, что "реформы проходят в трудных условиях... Сотни предприятий еще убыточны. Люди — в вынужденных отпусках, зарплаты нет. Предстоит менять хозяина или менеджмент" (16, 4.06.1996, с. 1). Тем не менее эксперты полагают, что политическая стабильность, крепкая экономика и здоровые отношения с Россией дают основания для оптимизма, и делают вывод, что Казахстан, хотя и находится еще в переходном состоянии, в конечном итоге движется в правильном направлении (43).

Киргизия первой из ССА начала экономические реформы и,

как считают специалисты, дальше всех продвинулась по пути формирования демократического общества. Власти с самого начала решительно приступили к созданию институциональной и законодательной базы для рыночной структуры, и либерализация поэтому шла быстрее, чем в других ССА. Тем не менее, первоначальные представления президента А. Акаева о будущей Киргизии как о среднеазиатской Швейцарии оказываются под сомнением, слабость киргизской экономики грозит углублением бедности и социальной нестабильностью (37, с. 975). В 1990-1991 гг. киргизская экономика пострадала больше, чем в других БСР, резко упал спрос на ее продукцию и сократились поставки сырья, ухудшились условия торговли с БСР.

Эксперты ЭИЮ с беспокойством констатировали, что Киргизия остается одной из беднейших республик бывшего Союза и никакие реформы не смогут преодолеть негативные стороны ее географической изоляции; ее горные земли непродуктивны, природные ресурсы ограничены, значительная часть населения занята в сельском хозяйстве и необразованна, а русские и другие славяне, преобладающие среди управленцев и специалистов, эмигрируют, оставляя страну без квалифицированных кадров. "Даже киргизские макроэкономические достижения выглядят хрупкими" (25, с. 53).

В июле 1992 г. киргизский парламент принял радикальную программу экономических реформ, разработанную с помощью МВФ и МБ, которые и предоставили для ее осуществления 400 млн. долл. Программа предусматривала проведение строгой финансовой политики, преимущественное использование рыночных методов хозяйствования, значительное сокращение сферы государственного участия и регулирования экономики. Компетентность и независимость вновь созданной банковской структуры позволяла жестко выдерживать финансирование только приоритетных отраслей, определенных на роль локомотивов развития — сельского хозяйства и пищевой, легкой и горнодобывающей промышленности, электротехники и микроэлектроники.

Киргизия первой из ССА ввела собственную национальную валюту — сом в мае 1993 г., после чего развернулась широкомасштабная трансформация экономики, сократился государственный контроль цен, уменьшились дотации и субсидии, началось движение к положительному реальному уровню процентных ставок. В середине 1994 г. уровень стабилизации и либерализации был

уже выше, чем в России; в экономических показателях проявилась положительная динамика: месячная инфляция, в сентябре-октябре 1993 г. превышавшая 30%, в марте 1994 г. снизилась почти до 7%, уменьшился дефицит платежного баланса по текущим операциям.

Правительством была принята трехлетняя программа стабилизации и реформ (1994-1997), также поддержанная кредитами МВФ. Ее ключевыми элементами были дальнейшее продвижение приватизации и повышение прозрачности процесса; реформа госпредприятий и разрешение их финансовых трудностей; завершение ценовой и торговой либерализации; реформа правовых, регулирующих и институциональных структур, включая создание вторичного рынка ценных бумаг; укрепление системы социальной защиты. Главными целями программы был поворот в сторону экономического роста и достижение в 1997 г. его 5%-ного уровня, снижение годовой инфляции до 6,5% и дефицита платежного баланса по текущим операциям до 9% ВВП, преодоление за 3-5 лет зависимости страны от экспорта зерна. Приоритетной была названа задача эффективной социальной поддержки наиболее уязвимых слоев населения.

В 1995 г. впервые был остановлен спад производства и прирост ВВП составил 1,3%, а в 1996 г. уже 5,6% (главным образом за счет промышленности, где он достиг 11%). Особенно быстро росло производство товаров широкого потребления и продуктов питания, что свидетельствует о серьезных структурных сдвигах в промышленности; увеличилось также производство электроэнергии, выплавка цветных металлов, ожила мелкая промышленность. В то же время объем привлеченных инвестиций был низким: если в 1991 г. внутренние капиталовложения составляли 13,7% от ВВП, то за 10 месяцев 1996 г. — всего 4,2% (15, 3.12.1996; 21, № 2, янв. 1997, с. 4). В 1997 г. объем инвестиций продолжал сокращаться и составил 65% от уровня предыдущего года. На 1997 г. экономический рост планировался в 6,9%, но на деле, по данным статкомитета СНГ, он составил 10,4% — самый высокий в СНГ (21, № 4, февр., 1998, с. 5). Этот показатель достигнут в основном благодаря торговле; местная промышленность и сельское хозяйство оставались по большей части низкопроизводительными. Сохранились негативные факторы: недостаток иностранных инвестиций, ограниченный потребительский рынок, нечеткая формулировка инвестиционных целей и задач. Настоящим бичом экономики оказалась коррупция, обусловленная слабостью законодательной базы.

Будучи внутренней и малой страной, расположенной вдали от мировых рынков, но находящейся в сильной зависимости от внешней торговли, Киргизия маневрирует между мощными соседями — Россией, Казахстаном и Китаем в надежде получить их поддержку, но при этом, по словам экспертов ЭИЮ, “любой успех оборачивается потерей”. Так, расширение торговли с Китаем помогло в 1997 г. вдвое снизить торговый дефицит и существенно способствовало экономическому росту, но повлекло осложнения в отношениях с русским меньшинством в Киргизии и усугубило проблемы, связанные с членством Киргизии в Таможенном союзе. Эксперты обращают внимание на то, что практика Таможенного союза не дала реальных результатов, и полагают, что для Киргизии было бы мудрым решением усилить сближение с Китаем (26а, с. 49).

Тем не менее в марте 1998 г. А.Акаев заявил: у Киргизии в СНГ три важнейших партнера — Россия, Казахстан и Узбекистан, “поэтому мы в Таможенном союзе, где Россия и Казахстан, и в Центральноазиатском, где Казахстан и Узбекистан”. Президент отметил, что на эти республики приходится 60% торгово-экономического оборота Киргизии, действует несколько десятков СП с российским капиталом (21, № 6, март 1998, с. 4).

Внешняя торговля Киргизии растет очень быстрыми темпами, но страна ввозит намного больше, чем вывозит, и потому имеет большой дефицит платежного баланса. В основном продукция киргизских предприятий неконкурентоспособна и не пользуется спросом даже на внутреннем рынке. Принимаются меры стимулирования перспективных предприятий, в частности, весь прирост экспортной продукции освобожден от налога на прибыль (15, № 188. 17.10.1996, с. 2). В настоящее время основным экспортным товаром Киргизии является электроэнергия, но Узбекистан — главный потребитель киргизского электричества — платил за него в полтора-два раза ниже мировых цен, хотя продавал свой газ Киргизии по мировым ценам (26, с. 54). В начале 1997 г. Киргизия объявила, что отныне будет продавать электроэнергию только за твердую валюту и по ценам близким к мировым; планируется крупное увеличение производства электроэнергии с целью расширения экспорта (15, 14-17.02.1997). Экспортные надежды связывали также с деятельностью золотодобывающего предприятия в Кумторе и нефтеочистительного завода, которые сооружались совместно с канадскими компаниями (22). Кумторское СП увеличило добычу золота с 1,5 т в 1996 г. до 17 т. в 1997 г. и планирует в 1998 г. добыть 20

т. Таким образом Киргизия вышла на третье место в СНГ по добыче золота (после России и Узбекистана). Ожидается также резкое увеличение добычи и переработки урана с участием Казахстана и иностранного капитала — с 0,5 тыс. до 3 тыс. т в год (20, 24.03.1998, с. 5).

Перспективы Киргизии связывают с 10-летним индикативным планом, к концу которого ВВП, при среднегодовом росте в 7%, должен быть увеличен вдвое, а уровень жизни населения в 2-2,5 раза (21, № 2, янв. 1997, с. 4; 15, 3.12.1996). Критики считают этот план амбициозным, а расчет на экспорт золота, добыча которого должна дать прирост ВВП на 20%, необоснованным, поскольку практически все прибыли пойдут в уплату кредитов. Критика была усилена еще и тем обстоятельством, что в конце 1996 г. твердый и устойчивый курс сома внезапно упал по отношению к доллару почти в полтора раза. Власти объясняли это огромным дефицитом внешнеторгового баланса и социальными выплатами, но, по мнению критиков, “твердость” сома была следствием довольно солидной долларовой помощи и задержек зарплаты и других выплат, что не способствовало реальной стабилизации (15, 3.12.1996). Действительно, на 1997 г. страна получила 494,8 млн. долл., в расчете на душу населения больше почти всех стран СНГ; ее внешний долг превышает половину объема ВВП (21, № 10, май 1997, с. 4).

Приватизация в Киргизии была начата в 1991 г. с сельскохозяйственных земель и мелких предприятий. На 1992 г. намечалось приватизировать 35-40% государственных активов и закрыть 200 убыточных предприятий. По данным Госимущества, к январю 1997 г. было приватизировано 80% промышленного сектора, а общий объем негосударственного сектора превышал 50%. В середине 1997 г. правительство планировало приступить к приватизации 59 наиболее крупных промышленных предприятий и к реализации программы демополизации экономики. Но попытки приватизировать несколько крупнейших предприятий были сорваны вопиющим nepотизмом и коррупцией; например, завод по производству спиртных напитков был продан всего за 5 тыс. долл., хотя ежегодно приносил миллионную прибыль. В результате президент приостановил процесс приватизации таких предприятий и было начато расследование (21, № 3, февр. 1997, с. 4; 21, № 11, июль 1997, с. 4; 26а, с. 49, 50).

Хотя иностранные инвесторы пока не очень рвались в Киргизию, в стране зарегистрировано 2191 предприятие с

иностранным участием; в 1996 г. они произвели продукции на 1165,7 млн. сомов, что составляет 11,7% общего объема производства (20, № 32, 6.05.1997; 21, № 15, авг. 1997, с. 4). На 1998 г. правительство прогнозировало прирост ВВП в 7-8%, а эксперты МВФ — 5,9%. Показатель I квартала превысил эти оценки, достигнув 11%. Российский экономист В.Гармаш считает главной составляющей такого роста высокий уровень иностранных инвестиций в добывающую промышленность (20, 21.05.1998, с. 4).

Социальная цена экономических реформ в Киргизии очень высока; по признанию А.Акаева, “в социальной сфере продолжают негативные процессы: рост безработицы, увеличение масштабов бедности”; ниже черты бедности (700 сомов) живет 56% жителей Киргизии, а 30% из них пребывают в крайней бедности; в 1993 г. МБ оценивал эти показатели в 40% и 25% соответственно (15, 3.12.1996). По мнению эксперта ЭИЮ, для среднего жителя Киргизии жизнь не выглядит жестокой, поскольку “плодородное сельское хозяйство никогда не даст стране действительно нуждаться”; тем не менее в своем прогнозе он писал, что ход реформ в Киргизии в 1997 г., хотя МВФ и МБ хвалят ее как модель реформирования, ухудшится, попытки правительства облегчить неплатежи между предприятиями не помогут возрождению экономики, задания бюджетного дефицита будут вновь превышены, приватизацию будут преследовать скандалы и препятствия, сохранится полная зависимость от иностранной помощи, которая не позволяет найти реальный путь для отступления. “Отсутствие роста поставит много вопросов об эффективности реформ” (55, с. 75). Прогноз во многом оправдался, хотя Киргизии удалось добиться роста в 1997 г.. Как пишет другой западный специалист, “краткосрочный рост маскирует долгосрочную слабость и напряжение”; у правительства мало альтернатив для успокоения общественного недовольства, кроме повышения социальных расходов, но оно не может себе это позволить, чтобы не увеличить бюджетный дефицит, как не сможет вести речь и о восстановлении контроля над ценами стратегических товаров, не опасаясь недовольства МВФ (22, с. 66).

По поводу Киргизии С.Доронин и Ч.Макмиллан замечают, что проблемы индустриализации страшны для таких малых стран и вообще “холодный душ свободного предпринимательства — это не быстрое и не легкое решение” и еще рано подводить итоги: неравномерность и перепады экономического развития Киргизии оставляют открытым вопрос, являются ли “малые масштабы страны и

гибкость политики новым фактором успеха в мировой игре". Киргизия, как и другие СЦА, по мнению авторов, не имеет очевидной иностранной модели развития, ее политика будет функцией разных иностранных влияний, проб и ошибок (34, с. 140, 145).

В Узбекистане принципиальной позицией руководства стал, по словам президента И.Каримова, выбор "эволюционного пути без псевдореволюционных скачков, трагических последствий и сильных социальных потрясений", освобождение экономики от идеологических привязанностей, признание государства как основного реформатора и государственная защита социально уязвимых слоев населения (4, с. 8-10).

Этот выбор объяснялся отличительными чертами республики. К ним И.Каримов относил, в частности, низкий уровень жизни большинства семей; высокие темпы роста численности населения и трудовых ресурсов и 60%-ную долю населения моложе 25 лет; высокую долю занятых в сельском хозяйстве; выгодное географическое положение республики; богатые запасы ценнейших минеральных и сырьевых ресурсов и др. (4, с. 10-13). Приоритетными направлениями экономической деятельности были объявлены преобразование сельского хозяйства и развитие перерабатывающих производств; приватизация и разгосударствление; стабилизация экономики и создание новой налоговой системы; преодоление односторонней сырьевой направленности и структурная перестройка народного хозяйства; создание собственного высококвалифицированного кадрового корпуса (4, с. 18-43 и др.).

Власти рассчитывали на то, что опора на мощную сырьевую и минеральную базу обеспечит стране лучшую защиту от экономических потрясений переходного периода, чем более индустриализованным республикам, и поэтому можно не спешить с реформами. Даже после перехода к свободному ценообразованию в Узбекистане сохранилась карточная система распределения товаров первой необходимости, индексирование зарплат, кредиты и субсидии предприятиям. Эти расходы тяжелым бременем легли на бюджет, но помогли на несколько лет избежать резкого спада производства и уровня жизни населения и роста безработицы.

Радикальные экономические реформы республика начала с 1994 г., фактически отказавшись от прежнего курса на социальные приоритеты и от административно-государственных методов хозяйствования. Была введена полноценная национальная валюта, ужесточена денежно-кредитная и бюджетная политика,

провозглашено свободное рыночное ценообразование и адресная поддержка беднейших слоев населения, начата приватизация крупных и средних госпредприятий, продолжена реформа в сельском хозяйстве, значительно смягчено государственное регулирование внешнеэкономических связей, созданы благоприятные условия для иностранного капитала, приняты меры инициации и стимулирования частного предпринимательства (42а).

Подобно другим СЦА, Узбекистан не избежал экономического кризиса как следствия распада Союза и переходного периода, но он здесь не был так глубок. Спад производства здесь был намного меньше, чем в других СЦА: ВВП сократился только на 18% за все годы. Осторожное и последовательное управление структурными и рыночными преобразованиями позволило Узбекистану сохранить относительную экономическую устойчивость, что эксперты объясняют сильной опорой на сельское хозяйство. Это дало стране, по мнению Р.Кемпбелла, значительные преимущества, меньшая степень торговой и энергетической зависимости, а также большой объем производства хлопка в качестве обменного товара позволили Узбекистану в значительной степени повернуть свою торговлю в сторону от СНГ (29, с. 227).

В начале реформ руководство Узбекистана заявило, что выбирает турецкую модель развития, но в действительности, считает пакистанский автор М. Яхья Эффенди, оно использует китайский опыт, соединяя сохранение авторитарного государства и изменение экономической системы (57, с. 2). И.Каримова считают на Западе одним из наиболее умных политических деятелей в СНГ и подчеркивают, что он, претендуя на лидерство в ЦА, сочетает постепенную рыночную реформу и открытие страны внешним инвесторам с высокой степенью централизованного государственного контроля. Указывается, что президент Узбекистана сумел добиться получения займа МВФ, в то же время замораживая движение в таких чувствительных сферах как приватизация и реструктурирование, чтобы не нанести ущерба социальной стабильности (25, с. 55).

Председатель Центрального банка Узбекистана Ф.М.Мулладжанов пишет: "Применение традиционных методов монетаризма могло бы привести к замедлению структурной перестройки базовых и приоритетных отраслей, что сохраняло бы зависимость нашей экономики от импорта"; поэтому политика была основана на централизованном аккумулировании финансовых средств, которые направлялись на развитие экспортоориентированных

и импортзамещающих отраслей, обновление основных фондов и технологий, инвестиции в крупнейшие предприятия, имеющие общегосударственное значение (10, с. 52). Например, Навоийский горно-металлургический комбинат, оказавшийся в кризисной ситуации с утратой оборонного заказа ВПК на производство урана, с помощью государства реструктурировал и диверсифицировал свое производство, и теперь растут его поставки урана на мировой рынок, в т.ч. в США, выплавляются тонны золота для государства; узбекская урановая и золотодобывающая промышленность начинает влиять на мировые рынки стратегических металлов (18, 23.01.1997). Благодаря такой политике объем инвестиций в Узбекистане в отличие от других СЦА, где он падал, увеличился с 16% ВВП в 1994 г. до более чем 30% в 1996 г. (10, с. 52); в 1997 г. объем капиталовложений вырос на 17% по сравнению с предыдущим годом (21, № 4, февр. 1998, с. 5).

Снижение ВВП в Узбекистане прекратилось в 1995 г. и в 1996 г. он вырос на 1,6%, а в 1997 г. уже на 5,2%. Промышленное производство в эти два года увеличивалось на 6-6,5%, быстро снижалась инфляция – в 1997 г. она оценивалась в 26-27% (21, № 5, март 1997, с. 4; 21, № 4, февр. 1998, с. 5). Если в 1994 г. ряд специалистов, например С.Таймвелл, определял осторожность и замедленность узбекских реформ как “неудачу правительства в переориентации” (54, с. 49), то в конце 1996 г. эксперты МВФ полагали, что за три-четыре года Узбекистан сможет восстановить объем производства 1990 г. (18, 21.12.1996).

В целом представляется, что взвешенность, компетентность и профессионализм экономической политики в Узбекистане, ее последовательное и твердое осуществление позволяли оценивать как вполне реальные прогнозы специалистов, которые считали, что со своим природным и людским потенциалом Узбекистан в короткие сроки может войти в число развитых стран.

Республика взяла курс на создание новых отраслей – автомобилестроения, производства сахара и древесины, на модернизацию ТЭК, развитие машиностроения и легкой промышленности; поставлены задачи самообеспечения продовольствием и энергией, развития хлопкообработки. Хлопок является основой узбекского хозяйства и экспорта, с ним технологически связано более 70% национальной экономики. В 1996 г. Узбекистан вышел на второе место в мире по его производству и экспорту, поставив на внешние рынки 1,08 млн. т хлопка-сырца. В связи с переходом на продажу его по мировым ценам поставки в

Россию резко сократились и российские текстильные фабрики, технологически ориентированные на узбекский хлопок, практически простаивали. В настоящее время между Узбекистаном и Россией заключено трехлетнее соглашение об обмене (с 1998 г.) 200 тыс. т узбекского хлопка на российское топливо, сельскохозяйственные машины и цветные металлы (19, № 54, 19.03.1997); подготавливается создание Российско-узбекского текстильного холдинга (20, 28.04.1998, с. 2). Местная переработка хлопка увеличилась с 8% сбора в конце 80-х гг. до 15% в 1996 г., в дальнейшем Узбекистан намерен создать полный цикл хлопкообработки от выращивания хлопчатника до изготовления швейных изделий для вывоза, и доля экспортируемого хлопка будет сокращаться. С целью ослабления зависимости от России и в поисках альтернативного пути транспортировки своего хлопка, который раньше традиционно шел через Казахстан и Россию, Узбекистан в мае 1997 г. заключил соглашение с Туркменией, Азербайджаном и Грузией о возрождении т. н. Транскавказского коридора, которое предусматривает значительное удешевление перевозок хлопка при сокращении пути на 1000 км по сравнению с российским маршрутом. В 1998 г. по нему пройдет треть хлопкового экспорта (в 1997 г. – 20%). (21, № 4, февр. 1998, с. 4; 20, 24.03.1998, с. 5).

Узбекистан продвинулся и в выполнении другой ключевой задачи – достижении продовольственного самообеспечения: сбор зерновых в 1997 г. вырос до 3,8 млн. т. по сравнению с 3,3 млн. т. в 1996 г., что дало возможность значительно сократить импорт зерна (20, 24.03.1998, с. 5). Республика обеспечила и свои энергетические потребности: добыча собственной нефти достигла почти 8 млн. т. в 1997 г., в результате чего Россия утратила узбекский нефтяной рынок – ее импорт сократился с 5,5 млн. т. в 1991 г. до 150 тыс. т. в 1995 г. К тому же республика полностью обеспечена газом: Узбекистан занимает третье место в СНГ по добыче (50 млрд. м³ в 1997 г.) и экспорту природного газа, снабжая им другие СЦА (20, 24.03.1998, с. 5).

Приватизация в Узбекистане вначале не планировалась радикальной и началась еще в 1989-1990 гг. с предоставления крестьянам хлопковых земель для ведения частного хозяйства. В 1990-1991 гг. начали вводить аренду и продажу мелких предприятий, в 1992-1993 гг. планировалось приватизировать 15% государственных активов (27, с. 70). В 1993 г. процесс несколько активизировался,

было продано около 50 тыс. мелких и средних предприятий, почти все жилье в Ташкенте. В 1994 г. предполагалось приватизировать 900 крупных предприятий.

По словам И.Каримова, отношение к приватизации было главной особенностью узбекской экономической реформы: здесь извлекли хороший урок из опыта других БСР, где ускоренная массовая и бесплатная приватизация углубила экономический кризис, поставила ряд предприятий на грань банкротства, увеличила число безработных, усилила расслоение населения. В Узбекистане был принят принцип приватизации на платной основе, активы передаются в руки дееспособных хозяев и им предоставляются широкие возможности для предпринимательской деятельности.

В 1995 г. была начата приватизация базовых отраслей — нефтегазовой, энергетической, машиностроительной, а также туристических комплексов в Бухаре, Хиве, Самарканде и Ташкенте с участием иностранного капитала; за первое полугодие 1995 г. было приватизировано 4300 предприятий. По мнению экспертов ЭИЮ, «наиболее привлекательные предприятия расхватали очень быстро» и на 1996 г. ожидалось мало местных инвесторов, поскольку инфляция съела местные сбережения, но увеличилось число иностранных покупателей (55, с. 82).

Иностранные инвестиции в Узбекистане устойчиво растут: в 1994 г. они равнялись 6,6% общего объема капиталовложений, в 1995 г. — 13,7%, в 1996 г. — 18,8% (10, с. 53), в 1997 г. — 20% (20, 24.03.1998, с. 5). Правительство особенно поощряет производство товаров широкого потребления и экспортной продукции. Крупнейшими инвесторами, как и в Казахстане, являются германские компании, среди них лидирует «Сименс-АГ», вложившая более 300 млн. марок в электрификационные, транспортные и телекоммуникационные проекты; СП с участием «Мерседес-Бенц» наладило выпуск грузовиков и автобусов (21, № 9, май 1997, с. 4; 18, 21.12.1996). Большую активность проявляет Южная Корея, СП «УзДЭУавто» начало производство легковых автомобилей и в 1996 г. выпустило около 30 тыс., а в 1997 г. — 65 тыс. машин; на 1998 г. планируется выпуск 140 тыс. машин при проектной мощности 220 тыс.; машины уже экспортируются в Россию, где оказались конкурентоспособными (19, 13.02.1997; 20, 25.03.1998, с. 5).

Общее число СП с иностранным капиталом к 1997 г. достигло почти 3 тыс. В конце 1996 г. были введены новые правила деятельности таких СП: их уставный капитал должен быть не менее

суммы, эквивалентной 300 тыс. долл., доля иностранного участия должна быть не менее 30%. В настоящее время уставный капитал большинства СП в Узбекистане не превышает 10 тыс. долл.; они занимаются главным образом торгово-посреднической деятельностью, но все пользуются льготами, предоставляемыми иностранному капиталу (15, 24.12.1996; 4.06.1997).

Сотрудничество с МВФ Узбекистан начал в 1991 г., но только в январе 1995 г. Фонд предоставил ему кредиты в размере 74 млн. и 185 млн. долл. В том же году МБ предоставил 160 млн. и 21 млн. долл. для развития банковского дела и 66 млн. долл. на модернизацию хлопкового сектора. На развитие малого и среднего бизнеса выделили кредиты МБ, Азиатский банк развития, Эксимбанк Японии и др. общим объемом 350 млн. долл. (15, 4.06.1997).

Замедленный старт Узбекистана в проведении реформ оказался благоприятным для производственной сферы республики, но социальная цена, которую она платит за реформы, не меньше, чем в других СЦА, — уровень жизни нельзя отнести к среднему даже среди этих стран. Увеличенная на 20% с 1 июля 1997 г. минимальная зарплата равняется 5 долл. по курсу черного рынка и чуть больше 12 долл. по официальному (рассчитано по: 15, 2.07.1997), усиливается социальное расслоение, причем особенно жестоко страдают многодетные семьи, которые здесь преобладают из-за высокого уровня рождаемости. Прогноз эксперта ЭИЮ на 1997 г. сулил рост безработицы, социальных трудностей и опасности социальных волнений (55, с. 82). Он во многом оправдался: уровень жизни снизился, возникли трудности со снабжением, в середине 1997 г. была восстановлена норма отпуска в одни руки муки, сахара, масла и продажа их только в государственных магазинах при жестких мерах контроля за уличными торговцами. В результате сразу возник дефицит продовольственных товаров, их стали продавать из-под полы по повышенным ценам (21, № 17, сент. 1997).

В начале 1998 г. эксперты ЭИЮ увидели в узбекской экономике симптомы движения вспять. Они объясняют это следующими причинами: падением влияния президента И.Каримова как регионального лидера и его скептическим отношением к развитию рыночных отношений; чрезмерным регулированием валютного курса, из-за чего курс сума на черном рынке оказался в три раза ниже официального; высоким дефицитом платежного баланса; дешевыми кредитами государства хлопковому сектору, что подталкивает инфляцию. Двойной валютный курс разрушительно

действует на предприятия, особенно мелкие и средние; отрицательные реальные ставки процента снижают банковские депозиты; проблема неликвидности несет угрозу возможного кризиса. Сокращается импорт потребительских товаров. Каримов очень заинтересован в притоке иностранного капитала в сырьевой сектор, но этот приток сдерживается коррупцией и медлительностью бюрократических процедур (26а, с. 53). Правда, для упрощения последних в начале 1998 г. был создан один государственный орган вместо прежних трех, ответственный за проекты с участием иностранного капитала (21, № 5, март 1998, с. 4). Эксперты по-прежнему считают, что Узбекистан обладает такими естественными преимуществами, как многочисленное хорошо образованное население и обширные минеральные ресурсы, которые могут обеспечить благополучие страны (26а, с. 53).

Туркмении, обладающей огромными запасами природного газа, после получения независимости прочили будущее "Кувейта Азии" или "газового Эльдорадо". Была принята программа "10 лет стабильности", которая, по словам президента С.Ниязова, "не приемлет оголтелого радикализма, революционных прорывов. Постепенно, шаг за шагом, без "великих скачков" и "последних рывков" мы идем к своей цели"; это позволяет "избежать потрясений и социальных конфликтов, удержать республику в поле эволюционных преобразований". Два серьезнейших геополитических обстоятельства продиктовали такой курс — положение страны на одном из важных мировых перекрестков и крупнейшие запасы нефти и газа, подчеркнул президент (17, 23.10.1996, с. 14). Программа опиралась на принцип государственного регулирования и структурную перестройку с упором на развитие перерабатывающих отраслей и обеспечение потребностей в готовых товарах, в первую очередь в продовольствии; предусматривалось привлечение иностранного капитала, особенно в нефтегазовые отрасли. Планировались строительство ряда предприятий, чтобы ослабить зависимость от России, создание СП и семи свободных предпринимательских зон, ускорение развития и среднегодовой рост производства в 12% (38, с. 36).

Уже в 1991 г. были разработаны меры по макроэкономической стабилизации и поощрению структурных изменений, но большинство из них не было осуществлено. Даже скромные реформы вскоре после введения были аннулированы из-за страха перед социальными волнениями; реформы практически были отложены. В результате в

Туркмении, с одной стороны, был меньший спад производства, чем в других СЦА, а с другой стороны, недостатки реформ давали стране возможности развивать независимую экономическую структуру с рыночным действием.

При повышении цен на энергоносители после распада Союза Туркмения оказалась в наиболее выгодном положении среди СЦА. Условия торговли для нее улучшились и власти рассчитывали, что страна и без особых преобразований сможет разбогатеть за счет продажи газа (как Узбекистан — хлопка); однако Туркмении, не имеющей собственного трубопровода, не удалось выйти на мировые рынки, и она была вынуждена продавать его своим старым потребителям — Украине, Армении и Грузии, которые не могли расплачиваться валютой. В результате долг стран СНГ Туркмении достиг 2,0 млрд. долл. (17, 23.10.1996, с.4).

Турецкий эксперт Х.Канболат пишет, что Туркмения оказалась в состоянии дистанцироваться от поля притяжения России, но, подобно другим СЦА, ее экономическая структура, далекая от диверсификации, поддерживается производством и экспортом сырья; в то же время она вынуждена импортировать готовую продукцию, особенно продовольствие и потребительские товары, теперь уже по мировым ценам, что усугубляет валютный кризис и дефицит платежного баланса (42, с. 50).

Два товара — природный газ и хлопчатник — обеспечивают 96% экспорта Туркмении и ставят ее в полную зависимость от импорта продовольствия — ввозится 65% потребляемого зерна, 100% сахара и т. д. (25, с. 44). В общем объеме ВВП производство газа обеспечивает до 60% (26, с. 55). Официальная статистика противоречива, сведения об объемах добычи газа за одни и те же годы приводятся разные, хотя все показывают значительное — до 2/3 —

снижение добычи (с 85 млрд. м³ в 1991 г.) (21, № 9, май 1997, с. 4). Предсказания быстрого роста обманчивы, поскольку основаны на случайном росте производства газа, а непредвиденное его снижение может привести к расстройству в хозяйстве (26, с. 56).

После снижения ВВП в 1995 и 1996 гг. на 8% и 3% соответственно, у Туркмении, по прогнозам ЕБРР и других специалистов, были возможности для экономического роста в 1997 г. не менее чем на 5%. Однако было принято решение о прекращении поставок газа постоянным потребителям — Украине и Армении за неплатежи, что по существу парализовало производство: добыча газа

сократилась почти наполовину, а ВВП — на 15%; объем экспорта и импорта составил 44% и 86% от уровня предшествующего года соответственно; хлопка было собрано на 45% больше, чем в 1996 г., но вдвое меньше, чем намечалось правительственной программой; не было и большого продвижения к продовольственной независимости, сбор зерна повысился незначительно. Дефицит госбюджета оценивается в 10-14% ВВП против запланированного парламентом уровня в 0,9% (20, 24.03.1998, с. 5; 21, № 4, февр. 1998, с. 5). Из расходов бюджета 30% уходит на субсидии для поддержания низких цен на потребительские товары, возрастающий бюджетный дефицит покрывается Центральным банком. Государство обеспечивает население бесплатными электроэнергией, газом и водой, но существует острый дефицит всех основных товаров и в городах стоят очереди за хлебом. Минимальный уровень зарплаты — около 10 долл. (42, с. 51). Население предпочитает хранить сбережения в иностранной валюте и закупать товары. Банковская система развита слабо и страдает от постоянного вмешательства правительства и президента (38, с. 46).

1 ноября 1993 г. была введена собственная национальная валюта (манат) и был создан стабилизационный валютный фонд в 300 млн. долл., но курс маната упал уже через полгода, а через три года был ниже первоначального в 2500 раз. Только в последнее время, когда правительство пересмотрело свое отношение к реформе, ЦБ начал проводить жесткую политику в кредитно-финансовой сфере и уровень инфляции пошел вниз. Данные об инфляции не публикуются; эксперты Статкомитета СНГ оценивали ее в 1997 г. в 4,5% в месяц — это была самая высокая цифра в СНГ (21, № 20, окт. 1997, с. 4; 42, с. 48, 50; 20, 24.03.1998, с. 5), а в первом квартале 1998 г. — в 6,5% против прогноза МВФ в 1,6% (20, 21.05.1998, с. 4).

Новая экономическая программа президента С. Ниязова "1000 дней" намечает с 1997 г. меры ускоренного перехода к рыночной системе и создания базы экономического роста за счет продажи нефти и газа, привлечения иностранных инвестиций и приватизации. К 2000 г. должны быть приватизированы 330 промышленных предприятий в первую очередь текстильные, пищевые и производящие стройматериалы; в руках государства останутся нефтегазовая отрасль и транспорт (21, № 9, № 10, май 1997 г., с. 4; 15, 17.04.1997). Программа ставит целью ежегодный рост ВВП на 17% до конца столетия без объяснений, за счет чего этот рост будет достигнут.

С.Ниязов считает, что уже сейчас можно с уверенностью говорить о сдвигах в экономике; по его словам, за последние три года в нее вложено примерно 3,5 млрд. долл., создан благоприятный климат для привлечения иностранных инвестиций, развиваются транспортные средства и коммуникации, в частности, введены в эксплуатацию туркмено-иранская железнодорожная линия Теджен-Серахс-Мешхед и газопровод в Иран мощностью 4 млрд. м³ в год, с участием иностранных фирм сооружается 250 объектов общей стоимостью 3 млрд. долл. (21, № 5, март 1997, с. 4). В частном владении находятся 1500 предприятий, свыше 500 магазинов, идет приватизация небольших заводов; фабрик, транспортных предприятий (17, 23.10.1996, с. 14).

Трудно оценить достоверность этих сведений. Туркмения действительно старалась привлечь иностранный капитал, особенно в нефтегазовый сектор; в 1997 г. он составил 44% всех инвестиций (20, 24.03.1998, с. 5). По официальным данным, в 1997 г. Туркмения освоила 248 млн. иностранных ресурсов, из них 225 млн. в виде кредитов; в 1998 г. правительство рассчитывает привлечь 951 млн. долл. иностранных инвестиций, т. е. 66% общих капиталовложений. Ожидается, что США, Германия, Япония, Турция, ЕБРР и МБ инвестируют в ТЭК, АПК и транспорт (21, № 4, февр. 1998, с. 4). Иностранных инвесторов, естественно, привлекают нефтегазовые богатства Туркмении, но пока они не очень охотно стремятся сюда: с одной стороны, законы, защищающие иностранных инвесторов, грубо попираются президентскими распоряжениями, с другой стороны, инвестиции сдерживаются отсутствием хорошо работающей инфраструктуры (38, с. 49). Международные финансовые организации и отдельные страны предоставляли Туркмении займы и кредиты: Турция — 75 млн. долл., Иран — 50 млн., Германия — 40 млн., Пакистан — 1 млн., ЕС — ок. 16 млн. долл. В 1997 г. задолженность Туркмении была среди самых крупных в СНГ, долг равнялся 114% ее ВВП (38, с. 49; 21, № 11, июль 1997, с. 4; 20, 24.03.1998, с. 5).

Эксперты ЭИЮ называют одной из основных причин тяжелого экономического положения Туркмении самое слабое и некомпетентное в БСР руководство, психологическую и профессиональную неподготовленность хозяйственных руководителей из прежней административно-партийной элиты, которая не позволяет делать решительных шагов в направлении к рынку. Экономическая политика С. Ниязова, по мнению экспертов,

легкомысленная, он “мало способен оценить реальность” и превращается во “все более сумасбродного и непопулярного тирана, который запрещает несанкционированный рост цен, манипулирует валютным курсом и увеличивает импорт с целью сделать Туркмению самообеспечиваемой к концу века”; в результате экономика ее в удивительном расстройстве, а население переживает экономические лишения, жестокие даже по меркам США (26, с. 56; 26а, с. 52).

Основным тормозом на пути развития туркменской экономики, помимо отложенных реформ, является то обстоятельство, что Туркмения не имеет своего трубопровода, он находится в собственности России, а на мировом рынке газа они теперь выступают как конкуренты. Туркмения уже несколько лет добывается права самостоятельно напрямую поставлять свой газ на рынки Европы по этому трубопроводу. До 1994 г. она имела квоту около 11% в общем объеме экспорта российского газа, но затем Россия отменила эту квоту. Теперь газопроводом распоряжается РАО “Газпром”. Туркмения пока безуспешно старается прорваться на рынки других стран в обход России, с помощью Ирана она в декабре 1997 г. завершила строительство газопровода Корподже – Курт – Кун (Иран), который хотела бы продлить в Турцию, а потом, возможно, и в Европу. Здесь следует учитывать, что и “Газпром” намерен увеличить в несколько раз свои поставки в Турцию.

В конце 1996 г. казалось, что проблема для Туркмении частично разрешилась, ее правительство и “Газпром” заключили пакет соглашений, регламентирующих поставки газа из Туркмении в Россию и страны СНГ и создали совместное АО “Туркменросгаз”, которое распоряжалось добычей и продажей всего туркменского газа и в котором 45% акций принадлежали “Газпрому”. Это событие президент Туркмении назвал тогда историческим, но в середине 1997 г. своим указом ликвидировал “Туркменросгаз” (20, № 21, 27.02.1997; 16, 8.08.1997, с. 1). В начале 1998 г. после длительных переговоров Россия и Туркмения договорились об условиях поставки туркменского газа на Украину в соответствии с долгосрочным соглашением Ашхабада и Киева в объеме 20 млрд. м³ в год (21, № 5, март 1998, с. 4). Но и эту договоренность нельзя считать окончательной.

Это означает, что Туркмения по-прежнему не имеет гарантированных источников национального дохода от продажи своих ресурсов и еще долго будет зависеть от российской системы трубопроводов. Есть проекты строительства газопроводов в Пакистан

через Афганистан, через Китай в Японию, но их реализация требует длительного времени и огромных финансовых ресурсов, которые могут обеспечить только иностранные компании. Кроме того, здесь сталкиваются конфликтные интересы разных стран и нефтяных компаний, ведутся многотрудные и затяжные переговоры о маршрутах трубопроводов, о квотах, о финансировании и т.п. Понятно, что Россия и “Газпром” стремятся сохранить сферу влияния и возможности инвестирования в этом регионе. По мнению туркменского министра иностранных дел Б.Шихмурадова, Туркмения вряд ли сможет решить свои проблемы самостоятельно без соглашения с Москвой (20, № 5, 28.01.1997, с. 5).

Австрийский экономист А.Фришеншлагер также считает сомнительным, что зависимость Туркмении от межреспубликанской торговой структуры СНГ может быть уменьшена (38). По мнению экспертов ЭИЮ, Туркмения будет по-прежнему изолирована от валютных рынков и будет вынуждена полагаться на потребителей из БСР. Рост ее производства зависит от экономического подъема в России и Украине, но если бывший советский рынок газа останется в подавленном состоянии, а также если не состоится договоренность Туркмении с МВФ, то “политические перспективы С.Ниязова уменьшатся” (55, с. 78, 79). Страны с богатыми природными ресурсами, пишут эксперты, обычно имеют два пути: к процветанию, как страны Персидского залива, или быстро к хаосу, коррупции и потерям, как Нигерия и Венесуэла: Туркмения движется по второму пути (26, с. 56). Нынешняя экономическая ситуация в Туркмении продлится много лет, если не десятилетий, заключает А.Фришеншлагер, и рекомендует для страны “политику малых шагов” (38, с. 43).

В Таджикистане после объявления независимости был взят курс на быстрое осуществление экономических реформ. В 1991 г. была принята программа экономической стабилизации и перехода к рыночной экономике, в начале 1992 г. была частично создана правовая база для формирования рыночных отношений, в т. ч. и для иностранных инвестиций, возникали коммерческие банки и биржи, хотя происходило это в ситуации глубокого экономического кризиса и полной непредсказуемости будущего. Начавшаяся в 1992 г. гражданская война нанесла значительный экономический урон и практически парализовала экономические преобразования. Падение ВВП превысило 50%, однако его причиной была не только гражданская война, но и воздействие распада Союза, нехватка

энергии, недостаток импорта сырья и комплектующих, сокращение спроса со стороны других БСР. При расстроенной экономике внешний долг страны в 1996 г. достиг 800 млн. долл. и продолжал увеличиваться, а на обслуживание долга уходило до 40% экспортных поступлений (53, с. 421).

Только в 1995 г. Таджикистан реально смог приступить к осуществлению реформенных мер: была принята новая Программа экономических преобразований на 1995-2000 гг., главной целью которой было создание социально ориентированной эффективной и конкурентоспособной рыночной экономики. Были либерализованы внутренние цены на товары (кроме хлеба, муки и растительного масла) и внешняя торговля всеми видами товаров (кроме хлопка, алюминия, шелка, табака, кожевенного сырья и минеральных удобрений), отменены квоты, лицензии и все экспортные льготы, повышены пошлины на вывоз сырья (но снижены на вывоз готовой продукции), обеспечен благоприятный климат для СП с участием иностранного капитала. При этом таджикское руководство заявило о понимании необходимости опоры на собственные силы. Предусматривалось перепрофилирование предприятий с целью получения конечного продукта, прежде всего предназначенного на экспорт (21, № 5, март 1997, с. 4).

Важным шагом новой политики было введение в Таджикистане (последней из БСР) в мае 1995 г. собственной национальной валюты — таджикского рубля, хотя курс его сразу начал падать и в середине 1997 г. за 1 доллар давали 480 рублей, что объяснялось снижением объемов производства, зависимостью потребительского рынка от ввоза продуктов, а также отъездом в хадж паломников, которые вывезли 10 млн. долл. (21, № 11, июнь 1997, с. 4).

В 1996 г. намечалось путем ужесточения налоговой системы и сокращения расходов уменьшить бюджетный дефицит, снизить месячную инфляцию до 4%. И она действительно снизилась с более 15% в первые месяцы 1996 г. до 2,9% в среднем за год; постепенно начали расти налоговые поступления; рубль стабилизировался по отношению к доллару и даже вырос на 7% с началом валютных аукционов. Был смягчен валютный контроль, чиновникам законодательно было запрещено вмешиваться в дела коммерческих предприятий. Если в 1995 г. ВВП упал на 12%, а в 1996 г. на 7%, то в 1997 г. он впервые увеличился на 2% (20, № 114, 19.12.1996; с. 5; 15, 15.05.1997; 26а, с. 51).

Банковская система Таджикистана сохранила свою жизнеспособность, пережив гражданскую войну, но сейчас остро стоит проблема низкого уровня и слаборазвитости банковского дела в стране. В связи с нехваткой наличности правительство переводило невыплаченные зарплаты, пенсии и пособия за период с 11 января 1994 г. по 10 мая 1995 г. на специальные счета в государственный Сбербанк и замораживало их в виде сбережений населения. Они были разморожены в октябре 1996 г. и конвертированы в именные приватизационные чеки, которые оцениваются сегодня в 3 млрд. рублей. К концу года предусматривалось реализовать приватизационные чеки 2,5 млн. граждан (21, № 4, февр. 1997, с. 4; № 9, май 1997, с. 4). По программе приватизации, разработанной с помощью МБ, в начале 1996 г. было продано 1700 предприятий, что равнялось 8% государственных активов (53).

Ведущим в экономическом восстановлении республики является хлопковый сектор. В конце 80-х гг. Таджикистан собирал 1 млн. т. хлопчатника в год; в 1995 г. его производство упало до 407 тыс. т. Из него было получено 140 тыс. т. хлопка-сырца, причем 90 тыс. т. в 1996 г. было вывезено на мировой рынок. Таджикистан также частично рассчитывается хлопком за кредиты и поставки газа с Россией и Узбекистаном. Планируется развитие местного хлопкообрабатывающего и текстильного производства, которое сможет поглотить до 60-70% урожая, что должно сократить экспортные возможности хлопка (53, с. 426-427).

Еще одним экспортным товаром Таджикистана является золото, запасы которого оцениваются в 60 тыс. т. В советские времена его производство в республике не превышало 1,5 т в год. В 1996 г. СП “Нельсон голд” (49% канадского капитала) произвело 3 т золота, а в 1998 г. намерено довести добычу до 10 т. Фирма уже инвестировала в проект 50 млн. долл. Другие месторождения разрабатывают еще одна канадская и британская компании. Считают, что страна уже в ближайшие годы могла бы выйти на уровень производства в 14-15 т золота в год. Но пока из-за нечеткого законодательства “Нельсон голд” в течение двух лет не могла продать добытое ею золото; другие компании, готовые вложить капитал в таджикскую золотодобычу, занимали выжидательную позицию (53, с. 428; 20, № 106, 19.11.1996, с. 7).

Крупный резерв роста у Таджикистана — алюминиевый завод, третий в мире после аналогичных заводов в США и Германии. Он снизил свое производство с 450 тыс. т в конце 80-х гг. до 198 тыс. т в

1996 г., однако новые инвестиции и улучшение энергоснабжения могут поднять объем выработки в короткие сроки. Продаются алюминий за рубеж, но транспортировка через границы 4-5 государств СНГ значительно повышает его стоимость, главным образом из-за железнодорожных тарифов (53; 16.05.02.1997). Сейчас правительство получает только 5% доходов в качестве налога с продаж (17,5 млн. долл. в 1996 г.), поскольку завод фактически находится в руках администрации и полевых командиров. В 1997 г. завод было намечено приватизировать; в число будущих акционеров стремятся попасть компании многих стран, готовые вложить капитал, французская компания уже внесла 16 млн. долл. на реконструкцию. Завод фигурировал в числе залоговых предприятий за предоставленные Таджикистану российские кредиты. Долг Таджикистана России на начало 1997 г. составил 296 млн. долл. (16, 5.02.1997).

Таджикистан обладает огромным потенциалом гидроэнергии и может стать ее экспортером. Пакистан уже выразил намерение участвовать в завершении строительства Рогунской ГЭС. Высоко ценится и стратегическое положение Таджикистана. Транспортное строительство может стать еще одной притягательной для иностранных инвестиций сферой, поскольку в масштабах региона речь идет о создании новой общемирового значения транспортной системы. Пока планируется строительство автотрассы Куляб-Каланхумб, в которую Таджикистан и Иран вложат по 28 млн. долл. и которая через три года выведет Таджикистан на Каракумское шоссе, связывающее Китай, Пакистан, Индию и Иран (21, № 10, май 1997, с. 4).

На проведение экономической реформы МВФ предоставил Таджикистану кредит в 22 млн. долл.; МБ выделил кредит в 5 млн. долл. на реорганизацию министерств, 55 млн. — на поддержку приватизации и сельского хозяйства, 10 млн. долл. — на преодоление бедности; ЕС выделяет 10 млн. ЭКЮ на реализацию программы продовольственной безопасности. Общий внешний долг страны уже превышает полтора объема ВВП (18, 28.06.1997; 20, 1.07.1997, с. 2; 20, 24.03.1998, с. 5).

В конце 90-х гг. сохраняются перспективы экономического возрождения Таджикистана, наибольшая часть активов которого располагается на территориях, где не велись боевые действия во время гражданской войны. В ожидании мира, считал эксперт журнала

“Евромани”, Таджикистан “имеет шанс развивать сектора, которые были в небрежении в советскую эру” (53, с. 424).

Перспективы экономического развития делают более реальными соглашение правительства и исламской оппозиции и начало их сотрудничества. Эксперты Статкомитета СНГ заключают, что Таджикистан имеет шансы повысить темпы экономического роста за счет инвестиций в горнодобывающую промышленность, электроэнергетику и хлопководство и прогнозируют прирост ВВП в 1998 г. в 4-5% (20, 24.03.1998, с. 5). Но мир принесет новые проблемы: разрушенная таджикская экономика должна обеспечить 100 тыс. беженцев, возвращающихся из Афганистана, а многочисленным боевикам предоставить рабочие места. Для решения этих вопросов и реконструкции экономики необходима крупномасштабная финансовая поддержка.

Объем иностранных инвестиций в Таджикистан в 1997 г. составил около 120 млн. долл.; в числе инвесторов Великобритания, Италия, Словакия, США, Южная Корея. Можно ожидать, что урегулирование отношений с исламской оппозицией и окончание военных действий повысят активность иностранных инвесторов. Правительство уже предлагает им конкретные проекты с быстрой окупаемостью (например, хлопкоочистка, переработка фруктов, овощей, табака), но чтобы привлечь крупные долгосрочные инвестиции в самую важную для страны сферу — разработку минеральных ресурсов, власти должны обеспечить законодательную базу и выработать систему тендеров (53; 21, № 7, апр. 1997, с. 4; 26а, с. 51).

Недавно начавшееся сотрудничество с МВФ принесло некоторые положительные результаты в создании институтов денежного контроля и страна, вышедшая из войны, в 1997 г. добилась умеренной инфляции в 50%. Но несмотря на призывы МВФ ввести рыночные отношения в хлопкопроизводство, перестройка сельского хозяйства идет медленно, промышленное производство в 1997 г. упало, объем инвестиций составил 90% (от уровня 1996 г.), курс рубля начал резко падать из-за притока наркоденег. Эксперты ЭИЮ сравнивают Таджикистан с Боснией, ВВП которой в первый послевоенный год вырос на 40% против таджикских 2%, и полагают, что при своей изолированности Таджикистан не может ожидать такого же объема помощи, какой получила Босния, и потому ему остается рассчитывать на поддержку России и Ирана. Обращается

внимание и на то, что при отсутствии миротворческих сил Таджикистану придется, пока не установится мир, тратить наибольшую часть своего бюджета на военные расходы (26а, с. 51).

Таким образом, США демонстрируют широкое разнообразие путей, темпов и методов экономической трансформации: радикальные реформы в Киргизии, размеренные и поэтапные в Казахстане, замедленные и взвешенные в Узбекистане, отложенные и застойные в Туркмении, прерванные войной и, по-видимому, решительно начатые снова в Таджикистане. Результаты этих реформ также разные, но общим является то, что страны, осуществлявшие реформы, уже прошли или проходят самую низкую точку кризисного состояния и начали выход из него; производство в целом или отдельные отрасли начали расти с 1996-1997 гг. Конечно, остается вопрос, насколько этот рост будет стабильным, устойчивым и длительным, поскольку еще не решены многие стратегические проблемы, финансовая стабилизация еще не сопровождается экономической, преобразования не стали системными. Представляется, что методы реформаторской деятельности в регионе становятся более умеренными и прагматическими, от краев стратегического спектра они приближаются к центру: одни государства от радикальной практики переходят к применению механизмов государственного регулирования, а в других ослабляется централизация и идет движение к либерализации и открытости экономики. Экономическое развитие США приобретает определенную устойчивость. Но не следует упускать из виду, что рост ВВП в этих странах происходит по отношению к очень сниженной базе: в среднем их ВВП в 1997 г. соответствует уровню 1977 г.

Будущее США в решающей степени зависит от нефтегазовых богатств. Объем подтвержденных запасов Прикаспийского региона разные источники называют равным 28-32 млрд. барр. нефти и 240 трлн. куб. футов газа; потенциальные запасы определяются в 200-250 млрд. барр. нефти и, возможно, столько же газа (европейские запасы равны 50 млрд. барр. нефтяного эквивалента). Нефтегазовый потенциал этого региона и прикаспийских стран в целом стал не только мощным геоэкономическим, но и геополитическим фактором мирового значения, магнитом для геополитиков. Американские нефтяные компании, интересующиеся Центральной Азией, консультируют крупнейшие эксперты по национальной безопасности, в т.ч. 36.Бжезинский и Дж.Бейкер. Западные

специалисты, вспоминая Р.Киплинга, пишут, что мировые нефтяные компании начали вокруг запасов ЦА "Большую Игру", подобную борьбе между Россией и Великобританией за влияние здесь в XIX в. Это сравнение уже превратилось в клише, но оно вводит в заблуждение. "Первая Большая Игра", пишет З.М.Беддоес, велась двумя державами, а Индия, за которую шла борьба, являлась пассивным объектом игры; сегодня гораздо больше игроков и в самой ЦА, и за ее пределами. Далее, старая Большая Игра была связана с царским экспансионизмом, а новая — с распадом советской империи; если в XIX в. эмиры и ханы постепенно подпадали под российский контроль, то сегодня региональные лидеры отстаивают свою независимость, и решающий приз — природные богатства — находятся в регионе (24а).

Из мировых нефтяных компаний лидерами экспансии являются "Шеврон", "Мобил", "Бритиш ойл", "Аджип". В Казахстане более 60% иностранных инвестиций направлено в нефтегазовый комплекс (ок. 2 млрд. долл.) и более 50 компаний надеются участвовать в разведке, развитии и экспортных операциях, они расходуют миллионы, даже не зная, найдут ли в этих местах нефть, но торопясь застолбить место. "Комбинация крупных личностей, огромных денег и больших амбиций нефтяных компаний, с одной стороны, и крупных личностей и больших амбиций лидеров Центральной Азии, с другой, создает сильнодействующую смесь" (24а, с. 4). Если к этому добавляются стратегическая важность географического положения региона и то обстоятельство, что их нефть и газ бесполезны, пока не поступили на мировой рынок, то становится ясно, что ориентации США и внешние влияния будут определяться прежде всего сетью потенциальных экспортных трубопроводов. Вопрос о геополитическом статусе региона в контексте его нефтегазовых богатств — это важнейший элемент стратегической политики Запада в Евразии и он будет решаться в зависимости от того, кому будет принадлежать контроль над нефтегазовыми транспортными путями.

Для России жизненно важно закрепить свои позиции в регионе с целью получения доходов от инвестиций и транзита, использования научно-технического, строительного и кадрового потенциала, расширения базы экономических связей и, следовательно, укрепления межгосударственных политических отношений. Но пока, к сожалению, российская политика по

отношению к ЦА в целом и в отношении нефтегазовой отрасли в частности нецеленаправленна и непоследовательна, в ней преобладают групповые и конъюнктурные, а не национальные и стратегические интересы страны.

США стремятся преодолеть зависимость от России и получить возможность самостоятельного выхода на мировые рынки нефти и газа, а мировые нефтяные компании, особенно в последнее время, — вытеснить Россию из нефтегазовой сферы региона или по крайней мере сократить ее присутствие и влияние. Так, в феврале 1998 г. Туркмения в одностороннем порядке лишает “Газпром” 10%-ного пакета акций консорциума для строительства газопровода Туркмения — Афганистан — Пакистан; в Стамбуле в начале марта с.г. на встрече министров иностранных дел Турции, Азербайджана, Казахстана, Грузии и Туркмении закладываются основы раздела и транспортировки нефти Каспия, жестко ограничивающие возможности участия в этом России. Явная тенденция к изоляции России от транспортировки нефти наметилась в последнее время и в Каспийском трубопроводном консорциуме (КТК). Эта тенденция обусловлена тем, что все действующие нефте- и газопроводы из ЦА (за исключением нового газопровода Туркмения — Иран) идут через Россию, давая ей возможность, как пишет Беддоес, “держат каспийские страны мертвой хваткой”. С такой оценкой перекликаются позиции США. Так, Н.Назарбаев главную причину многолетнего торможения реализации проекта Каспийского трубопроводного консорциума (КТК) видит в том, что “в Москве, не видя альтернативы российскому варианту транспортировки каспийской нефти, потребовали за ее транзит непомерно высокую долю прибыли. Когда реально замаячили другие маршруты, это требование было смягчено, но почти тут же раздались голоса об экологической опасности КТК для южных российских регионов, потом — о солидной компенсации областям за отторгаемые под трубопровод земли”. По словам Назарбаева, для Казахстана, как и для России, было бы выгодно, чтобы все нефтегазопроводы были проложены через Россию, “Но наши просьбы никто не слышит”, — заключает казахстанский президент, подчеркивая в то же время и геостратегический аспект: “те государства, которые будут вносить реальный вклад в извлечение и транспортировку каспийской нефти, вправе рассчитывать на определенное повышение своего веса в странах прикаспийского региона. Спрашивается, а кто же мешает

России укреплять здесь свой политический авторитет?... Думаю, Россия сначала должна четко определить, в чем же заключаются ее интересы, а уж потом говорить об их ущемлении или каких-то попытках дискриминации” (16, 4.06.1998, с. 3). Президент Туркмении С.Ниязов с сожалением отметил низкую активность России, “которая постоянно и неизменно приглашается к участию во всех крупных проектах, будь то строительство трубопроводов, освоение шельфа Каспия или прокладка железных дорог”, и добавил, что “в любое время двери для России в Туркменистане открыты” (21, № 11, июнь, 1998, с. 4). Он дал понять, что ревность Москвы по отношению к планам и, главное, маршрутам прокладки трансконтинентальных трубопроводов из бывших союзных республик на мировые рынки выглядит особенно неуместной на фоне простоя газопровода, который в последние годы транспортировал через Россию почти 90 млрд. м³ туркменского газа, а теперь уже более года бездействует, хотя мог бы приносить солидные прибыли обоим государствам.

С учетом таких высказываний представляется, что российская политика в прикаспийском регионе не должна исходить из представления, что экономические интересы России и США полностью совпадают. Естественно, экспортеры нефти и газа отстаивают в первую очередь свои национальные интересы, отличающиеся от российских, и в этом контексте ставят партнерство с Россией на второе место. Российские политики должны понять и учесть интересы США как владельцев богатых ресурсов нефти и газа, и это следует сделать как можно скорее, ибо потеря времени может обернуться потерей возможностей участвовать в разработке и транспортировке этих ресурсов со всеми вытекающими последствиями.

Беддаес прав, когда пишет, что “проблема трубопроводной дипломатии в том, что она должна комбинировать часто противоположные коммерческие и политические интересы” (24а, с. 7). Реальная борьба вокруг маршрутов будущих трубопроводов на самом деле больше определяется геополитическими интересами, чем коммерческими. В настоящее время имеются разные проекты маршрутов трубопроводов из прикаспийских стран, в т.ч. из США, для выхода на мировые рынки:

1) Северный маршрут — строящийся нефтепровод Тенгиз (Казахстан) — Новороссийск пропускной способностью 67 млн. т. в

год, длиной около 1600 км и стоимостью примерно 2 млрд. долл. Для его сооружения в 1992 г. и был создан КТК, в который вошли, помимо России и Казахстана, "Шеврон", "Мобил", "Аджип" и др.; завершение строительства намечено на 2000 г., и это будет первый не исключительно российский трубопровод через ее территорию.

2) Западный маршрут — нефтепровод от Баку до грузинского порта Супса, далее морским путем через Босфор или от Баку до Кейхана, турецкого порта на Средиземноморье, который должен пройти через беспокойные курдские районы). Этот маршрут предпочтителен для Азербайджана, Турции, Грузии и США; для туркменского газа и казахстанской нефти нужно будет построить транскаспийские нитки до Баку.

3) Южный маршрут — газопровод из Туркмении в Иран, открытый в декабре 1997 г., который Туркмения надеется продлить в Турцию и, возможно, в Европу, хотя до сих пор США противостояли развитию сотрудничества США с Ираном.

4) Восточный маршрут — нефтепровод из Казахстана в Синьцзян длиной более 3 тыс. км, о строительстве которого договорились Китай и Казахстан. Его стоимость оценивается китайскими экспертами в 3,5 млрд. долл., а другими специалистами значительно дороже; считают, что в нем заинтересованы, кроме непосредственных участников, Россия и Япония.

5) Юго-восточный маршрут — нефте-и газопроводы из Туркмении через Афганистан в Пакистан и затем в Индию, стоимостью в 1,9 млрд. долл. каждый. Это направление, по мнению специалистов, привлекательно с точки зрения географии, но в связи с хаосом в Афганистане банкиры опасаются вступать в деловые отношения с талибами.

При такой множественности выбора и конкурирующих интересов трудно сказать, где пройдут трубопроводы (хотя пока наиболее вероятным представляется маршрут Баку — Супса), но можно напомнить, что в Северном море имеются пять нефтепроводов и девять газопроводов. К тому же множественность и разнонаправленность трубопроводов позволят нефтяным странам сбалансировать их внешние интересы.

Считают, что для развития прикаспийских нефтяных ресурсов и их транспортировки потребуется от 70 до 100 млрд. долл. и, возможно, столько же для газовых ресурсов. Вложить такие деньги мировые нефтяные гиганты могут при наличии трех условий, помимо

состояния мирового спроса: в прикаспийских странах должна быть определенная политическая стабильность, защищены права собственности и гарантированы пути доставки нефти или газа на рынок. Нефтяные фирмы более спокойно, чем инвесторы в других отраслях, относятся к политическому риску, поэтому существующая в США внутренняя нестабильность может лишь замедлить, но не остановить их стремление участвовать в разработке ресурсов. Права собственности в США кажутся достаточно защищенными, хотя все иностранные инвесторы жалуются на несовершенство законодательных систем и повсеместную коррупцию; к тому же в начале 1998 г. казахстанское правительство лишило лицензий ряд компаний, что стало предметом конфликтов. И самое главное — остается неясным вопрос, кто действительно владеет большей частью нефти.

Наиболее конфликтный характер носит ситуация со статусом Каспия: до 1991 г. море было разделено между СССР и Ираном на основе Московского договора 1921 г., но после распада Союза его статус остался невыясненным и обсуждение связанного с этим круга проблем шло до сих пор достаточно вяло. До последнего времени Москва при поддержке Ирана настаивала на праве собственности только на прибрежные зоны, а остальное морское пространство и шельф должны, по их мнению, оставаться в совместном пользовании; с такой позицией были не согласны Азербайджан и Казахстан, выступающие за раздел на национальные секторы всего Каспия. Туркмения сначала поддерживала российскую позицию, потом начала склоняться к другой стороне. Сейчас Россия пошла на уступки и в апреле 1998 г. президенты России и Казахстана договорились о разделе Каспия на национальные секторы. Можно ожидать, что такой шаг России навстречу соседям обеспечит благоприятный режим для российских нефтяников, которые уже заключили ряд контрактов с Азербайджаном, Казахстаном, Туркменией; повышаются шансы на то, что основная часть каспийской нефти будет транспортироваться через российскую территорию, что этот компромисс станет началом формирования в Прикаспийском регионе общей зоны сотрудничества в нефтегазовом комплексе. Ибо в противном случае Россию ожидает пессимистический сценарий с постепенной утратой позиций в регионе, вытеснением ее другими государствами, с превращением стран региона, в т. ч. США, в ее конкурентов, с потерей возможных доходов и политического веса.

Что касается ЦА, то со временем она станет важным нефтяным и базовым мировым поставщиком. Если учесть относительную немногочисленность местного населения, то ясно, что наибольшая доля произведенных энергоресурсов сможет быть экспортирована и принесет США большие доходы. Как они повлияют на будущее США? Они могут способствовать укреплению их независимости, ускорению экономического развития, построению новых внешних связей, повышению благосостояния населения. Но они же несут неожиданности и высокие риски: история развивающихся стран знает примеры, когда неожиданные богатства были растратчены. Поэтому специалисты ставят вопрос, на Норвегию или Нигерию будут похожи через поколение прикаспийские страны, богатые ресурсами? Ресурсный бум обернулся препятствием экономического роста в Венесуэле, Эквадоре, Нигерии, которые стали богатыми после нефтяных шоков 70-х годов: сельское хозяйство и промышленность зачихали, поскольку нефтяные поступления подтолкнули реальный валютный курс, сделав наибольшую часть остального экспорта неконкурентной, — феномен, названный экономистами “голландской болезнью”. Нигерия израсходовала свое богатство безрассудно, прежде всего на расширение госсектора, в то время как Индонезия, несмотря на коррупцию, направила нефтяные доходы на развитие не нефтяных секторов. Чтобы деньги способствовали экономическому процветанию, полагает Беддоес, государство должно поддерживать макроэкономическую стабильность, поощрять сбережения, реструктурировать промышленность и сельское хозяйство, гарантировать свободное движение рабочей силы между отраслями, обеспечить разумное использование нефтяного богатства, чтобы оно не растрачивалось коррумпированной элитой. Нужно разработать тщательный план государственных инвестиций, предпочтительно в инфраструктуру, образование и здравоохранение. При этом следует иметь в виду, что с поступлением доходов радикализм реформ будет ослабляться, поэтому с ними следует поторопиться. Рациональное использование нефтяных доходов в национальных интересах поможет построить экономику, основанную на более обширной базе, чем только нефть и газ. Но возможен и вариант растраты ресурсов, экономической стагнации и этнических столкновений, чреватый превращением США в клиентелистские государства, ибо в них, как и в Нигерии, сохраняются авторитаризм, коррупция, кронизм.

В самое последнее время новые опасения высказали американские специалисты. Они полагают, что государства прикаспийского региона не устоят перед соблазном пустить нефтяные деньги на укрепление своих оборонных сил. В докладе Института им. Дж. Бейкера говорится, что такой поворот событий считается наиболее вероятным и тогда нефтедоллары как средство для финансирования закупок новых вооружений молодыми, но амбициозными государствами дестабилизируют обстановку в этом и без того беспокойном регионе. Авторы доклада предлагают правительствам США и России незамедлительно начать консультации с прикаспийскими государствами для заключения соглашения о контроле над вооружением и советуют официальному Вашингтону пересмотреть концепцию “сдерживания России в Средней Азии и на Кавказе”, оказать ей помощь в создании многосторонних договоров, способных урегулировать существующие и зреющие конфликты в регионе (16, 28.05.1998, с. 1).

Реформа денежно-кредитной и валютно-финансовой системы США

Разделение прежде единой денежно-кредитной и валютно-финансовой системы Советского Союза оказалось длительным, болезненным и противоречивым процессом для всех США. Перед ЦБ США как главными органами денежно-кредитного регулирования теперь уже самостоятельных государств встали сложнейшие задачи по преодолению инфляционных процессов и экономического расстройства, создания новой банковской системы, восстановления разрушенных платежных механизмов, обеспечения государственных программ реструктуризации экономики. С большей или меньшей последовательностью в США осуществлялся комплекс мер по укреплению банковской системы — разрабатывалась новая политика и процедура надзора и регулирования банковской деятельности, основанные на международных стандартах, совершенствовалось банковское законодательство, внедрялись современные технологии, подготавливались квалифицированные кадры. В этой работе США пользовались активной помощью МВФ, МБ и других международных финансовых институтов.

Наиболее продвинулся в этой области Казахстан. Здесь банковская система действует достаточно эффективно, для ее

совершенствования и развития была принята трехлетняя программа 1996-1998 гг., а затем правительственный план совершенствования финансово-банковской системы, рассчитанный до 2000 г. Он предусматривает, в частности, приватизацию всех государственных банков, средства от которой существенно поддержат бюджет. Банковская система Казахстана со дня обретения республикой независимости находится в постоянном движении. На первом этапе стремительно, как и в других СЦА, создавались различные финансовые институты. За короткое время число их превысило две сотни. Затем начался обратный процесс: часть банков обанкротилась, часть слилась с другими или была поглощена более сильными конкурентами, ряд банков утратил лицензии. Этот процесс, характерный для всех БСР, еще продолжается (См.табл.)

Таблица 2

Число коммерческих банков в США (21, № 4, февр. 1998, с. 4)

	Число зарегистрированных х коммерческих банков			Число филиалов коммерческих банков			Число банков, получивших валютную лицензию		
	1 янв. 1996	1 янв. 1997	1 сент. 1997	1 янв. 1996	1 янв. 1997	1 сент. 1997	1 янв. 1996	1 янв. 1997	1 сен. 1997
Казахстан	130	109	98	1036	949	641	55	55	43
Киргизия	18	20	19	141	127	126	17	16	18
Таджикистан	16	22	25	136	196	229	13	19	21
Туркмения	15	68	67	149	155	149	13	13	17

Укрепление остающихся банков создает основу для перехода их на международные стандарты. В Казахстане этот переход осуществит сначала группа из 29 более сильных банков уже к концу 1998 г., вторая группа из 31 банка должна достигнуть этого рубежа в 2000 г. В стране поддерживается жесткий подход к финансовой системе с тем, чтобы ее структуры стали конкурентоспособными. Для облегчения перехода к международным стандартам совершенствуется информационное обеспечение банковской деятельности с тем, чтобы она становилась все более прозрачной.

С развитием и укреплением банковской системы во всех СЦА начинают действовать совместные финансовые учреждения с участием крупных иностранных банков и международных

финансовых институтов, расширяется число представительств иностранных банков и их филиалов; здесь действуют банки США, Турции, Франции, Голландии, России и других стран. Интерес иностранных банков к СЦА возрастает особенно в связи с началом реализации проектов нефтяных и газовых сооружений и коммуникаций, хотя в целом процесс иногда сдерживается из-за протекционистской политики правительства США.

При создании СНГ предусматривалось сохранение единой рублевой зоны и рубля как единственного платежного средства для всех республик. Однако централизованное регулирование общего кредитно-денежного механизма на территории БСР практически прекратилось. Финансовые связи между республиками характеризовались плохой работой платежного механизма, нестабильными кредитно-денежными отношениями, постоянным дефицитом платежных балансов республик с Россией (см. 5). Исторически Россия обеспечивала чистый приток ресурсов во все азиатские республики в виде дотаций из союзного бюджета в размере 15-20% их ВВП и косвенных торговых субсидий за счет сильно заниженных цен на энергоносители и сырье, импортируемые ими из России. Для СЦА утрата этих субсидий была весьма болезненной.

После распада Союза только Центральный банк России имел право эмиссии наличных рублей, но национальные ЦБ могли выдавать безналичные кредиты практически в неограниченных размерах. В итоге ЦБ СЦА за 1992 г. осуществили крупные не согласованные с ЦБР денежные эмиссии на общую сумму около 450 млрд. руб., в т. ч. Узбекистан на 174 млрд., Казахстан на 128 млрд., Туркмения на 62 млрд., что позволило им покрыть от 50 до 40% общих банковских выплат (см. Деньги и кредит. — М., 1993. — № 8. — С.17). При отсутствии координации в денежной сфере это только подстегнуло инфляцию и расстройство торговых и платежных отношений. В 1993 г. финансирование республик Россией через платежную систему было частично заменено другими механизмами, но резкое сокращение официального финансирования сопровождалось дальнейшим спадом межреспубликанской торговли и накоплением задолженности СЦА России в размере 6-13% их ВВП (48, с. 21).

Проблема финансирования и платежных отношений для СЦА в 1992-1993 гг. осложнялась неопределенностью в кредитно-денежных отношениях между БСР. Республики колебались в вопросе о введении собственной валюты. В этот период эксперты МВФ полагали, что для

большинства СЦА предпочтительнее оставаться в рублевой зоне; они исходили из того, что пока преимущества политики координации еще не реализованы полностью, следует подчеркивать потенциальные выгоды экономического сотрудничества БСР (33, 48). Р. Помфрет впоследствии поставил им эту рекомендацию в упрек, как ошибочную.

К концу 1993 г. СЦА ввели свои национальные валюты или их суррогаты (кроме Таджикистана, сделавшего это в мае 1995 г.). Это был серьезный этапный шаг на пути формирования собственных финансовых систем и закладывания фундамента самостоятельного развития; начали формироваться местные валютные рынки, ЦБ стали осуществлять котировку своих собственных валютных единиц, складывался механизм продажи мягких валют финансовыми посредниками и формировался валютный рынок стран СНГ. Введение национальных валют было очень важным фактором восстановления разрушенных экономических связей между БСР. Валютная политика должна была обеспечить расширяющуюся международную торговлю, решать вопросы конвертирования национальной валюты, по мере либерализации рынка создавать благоприятные условия для иностранных инвесторов.

1994 г. стал решающим для мягких валют; еще слабые и нестабильные, сильно подверженные конъюнктуре и напору спекулянтов, они тем не менее стали платежными средствами во внутреннем обороте своих стран. Если за год до этого решающее влияние на денежное обращение и систему валютного регулирования в СЦА оказывали рубль и российская политика, то теперь — при сохранении российского фактора — не менее важным стало стремление получить от МВФ, МБ, ЕБРР поддержку и кредиты, которые становились гарантией для привлечения иностранных частных инвестиций. Поэтому стабилизация денежного обращения стала первостепенной задачей для правительств СЦА. Многие эксперты связывают укрепление национальных валют именно с получением стабилизационных кредитов МВФ; первыми из СЦА их получили Киргизия и Казахстан и именно им удалось первым в определенной степени стабилизировать свои валюты.

С 1994 г. некоторые коммерческие банки России с целью налаживания системы расчетов между республиками начали развивать услуги по мягким валютам. Сформировалось три региональных центра по торговле новыми деньгами — Москва, Днепропетровск и Рига; в Москве быстро сложился мощный

биржевой рынок и велись прибыльные операции — объемные с казахстанским тенге и небольшие с киргизским сомом. Их участниками стали банки “Российский кредит”, “Альфа-банк”, “Менатеп” и др. В середине 1997 г. Агропромбанки России, Казахстана, Таджикистана и Грузии решили создать клиринговый центр для регулирования взаиморасчетов между банками АПК и операций с мягкими валютами (21, № 13, июль 1997, с. 1).

С введением национальных валют денежно-кредитная политика ЦБ СЦА с большей или меньшей степенью жесткости фокусировалась на стабилизации финансовой системы, снижении темпов роста денежной массы и централизованном регулировании кредитных ресурсов. Для этого использовались нормативные меры сокращения кредитования экономики и бюджетного дефицита, регулирования ставок рефинансирования и норм резервных требований для кредитных учреждений. В результате во всех республиках удалось снизить первоначально очень высокие темпы инфляции. Чем сбалансированнее была денежно-кредитная политики, тем больше она создавала предпосылок для начала экономической стабилизации, замедления темпов спада производства и перехода к его росту (10).

В целом введение собственных валют дало СЦА инструменты регулирования кредитно-денежной и валютной сферы, необходимые для упорядоченной стабилизации и урегулирования их внешних дисбалансов. В то же время это не сократило масштабы потребностей в финансировании и возложило на правительство дополнительную ответственность за кредитно-денежную и валютную политику.

Процесс адаптации валютно-кредитных и платежных политик СЦА к мировой практике, процесс встраивания в международную систему идет медленно. На данном этапе их денежно-кредитные и валютные механизмы несут на себе печать переходного периода. СЦА в большей или меньшей степени страдают от инфляционного обесценения своих валют, долларизации экономики, бегства капитала, нехватки валютных средств, неуравновешенности платежных балансов, снижения валютных курсов и др., и эти процессы протекают болезненно.

Реформа внешнеэкономических связей СЦА

В кризисной ситуации, в которой оказались СЦА после распада Союза, они вынуждены были решать комплекс

внешнеэкономических проблем, включая перестройку торговых и платежных механизмов, определение роли внешней торговли в перестраиваемой экономике, выбор между интеграцией и ослаблением связей с БСР, в первую очередь с Россией, поиск других партнеров и рынков, освоение мировой торговой практики, определение товарной специализации, повышение конкурентоспособности местных товаров и др. Превращение внутригосударственных экономических отношений в межгосударственные связи СЦА с другими БСР осложнялось многими историческими, политическими, правовыми, организационными, психологическими, этносоциальными моментами. Всем БСР предстояло прежде всего осознать и сформулировать свои национальные интересы и найти пути их сочетания с интересами ближних и дальних соседей, преодолеть стремление к односторонней выгоде, подозрительность и недоверие к партнерам и т. п. (см. 6).

Базой своего развития все СЦА определили экспорт природных ресурсов. Ожидалось, что он станет источником средств для структурной перестройки хозяйства (с акцентом на добычу золота в Киргизии, нефти и газа в Казахстане и Туркмении, производства хлопка в Узбекистане и Таджикистане). При этом они стремились изменить свою внешнеэкономическую ориентацию.

Н.В. Акимов пишет, что поиск места СЦА в интеграционном процессе идет по трем направлениям:

1) Интеграция в самодостаточное региональное экономическое образование с минимизацией внешних связей. Богатые ресурсы СЦА позволяют такую интеграцию, но только на внешнеэкономической основе, способной обеспечить перелив ресурсов из более благополучных республик в менее благополучные; объективных предпосылок такой экономической интеграции нет.

2) Поиск партнеров в мезорегионе — Россия, Иран, Турция, Пакистан, Саудовская Аравия, Китай, Индия. Эти государства вместе с СЦА могут составить большое континентальное (евразийское) объединение, по масштабам сопоставимое с ЕС и конкурентное с АТР. Но в целом мезорегион достаточно бедный: в 1993 г. здесь проживало 46% мирового населения, производившего 7,5% мирового ВВП (1, с. 87), и СЦА здесь выглядят наиболее благополучными.

3) Партнерами СЦА могут быть все прочие государства мира, но наиболее важными Россия и страны СНГ, Китай и Индия, соседние исламские страны — Турция, Иран, Пакистан и Саудовская

Аравия, а также США, Япония и страны Западной Европы. Турция и Пакистан, частично Китай и Индия объективно заинтересованы в доступе к природным ресурсам СЦА; для развитых стран установление связей с СЦА — это прежде всего одно из направлений их глобальной стратегии, и уже в следующую очередь — экономическая потребность. Россия имеет со СЦА традиционные торговые и производственные связи и готовую для интеграционных процессов транспортную сеть. СЦА вступили в торгово-экономические отношения со всеми этими странами, процесс определения партнеров еще не завершился, поскольку у СЦА нет очевидных выгодных или невыгодных партнеров, каждый имеет свои преимущества и недостатки. А регион СЦА как претендент на самостоятельную роль в мировом хозяйстве имеет достаточно хороший потенциал.

Во вновь формирующихся внешнеэкономических связях М. Вебер (54а) видит ряд процессов: интернационализацию, локализацию, регионализацию и глобализацию; они идут на фоне расширения двусторонних связей, которые оказываются более плодотворными, чем сложный и неопределенный механизм СНГ. Под процессом интернационализации автор имеет в виду, что после распада Союза все новые государства были быстро признаны в мире. Правда он оговаривается, что поскольку преемником СССР стала Россия и политика Запада по отношению к БСР была российскоцентристской, остальные БСР не вошли в международное сообщество как равные члены. Помимо прочего, здесь сказались крайняя малочисленность кадров, подготовленных для ведения иностранных дел, отсутствие опыта, нехватка теоретико-концептуальных разработок, отсутствие согласия в определении национальных приоритетов, хрупкость политических институтов.

Локализация, по М. Веберу, т. е. развитие тесных связей в подгруппах БСР, происходит в двух видах — на базе соглашений СНГ и вне его. СЦА являют наиболее яркий пример второго вида. Их движение друг к другу началось еще до распада Союза: в июне 1990 г. президенты пяти союзных республик встретились для обсуждения концепции конфедерации, и в августе 1991 г. был создан консультативный совет по координации экономической политики. В 1994 г. Казахстан, Киргизия и Узбекистан основали Центральноазиатский союз, были созданы Межгосударственный совет, Совет премьер-министров, Консультативный совет

центральных банков, межгосударственные комитеты обороны и иностранных дел; был учрежден Центральноеазиатский банк сотрудничества с уставным фондом 10 млн. долл. для содействия ЦБ республик и финансирования совместных проектов.

Приоритетным направлением экономического сотрудничества трех СЦА были названы топливно-энергетические отрасли. В целях их развития было запланировано строительство магистрального нефтепровода между западными и центральными районами Казахстана, второй нити газопровода от Бухарского месторождения через Алма-Ату на территорию Киргизии, совместных предприятий в области геологоразведки, транспорта, связи, химической промышленности и металлургии. Хотя пока еще не создан потенциально эффективный механизм для решения поставленных задач, в марте 1998 г. к "тройственному союзу" присоединился Таджикистан. И если, как ожидается, в него войдет и Туркмения, то регион будет представлен в полном составе. Упор делается на региональное сотрудничество, подчеркиваются "общие исторические, духовные корни, общие экономические и коммуникационные основы" (16, № 57, 28.Ш.1998, с. 3); выдвинуты несколько десятков проектов конкретного характера, предусматривающих создание финансово-промышленных групп в химической, нефтегазовой и др. отраслях. Процесс локализации в ЦА дополняет, как замечает Вебер, двусторонние связи республик с Россией, но ему мешает соперничество в регионе; Узбекистан считает себя в нем естественным лидером, но не воспринимается другими сторонами в таком качестве, тем более что Казахстан — с не меньшими основаниями — претендует на ту же роль.

Тенденция, названная Вебером регионализацией, проявилась в ЦА в быстром вступлении новых независимых республик в Организацию экономического сотрудничества (ОЭС), созданную в 1985 г. Ираном, Пакистаном и Турцией для продвижения экономического, технического и культурного сотрудничества; в 1992 г. ее членами сразу стали все СЦА, Азербайджан и Афганистан. В такой крупной региональной организации СЦА видели прежде всего перспективы для реориентации своей торговли. Действительно, торговля СЦА с Турцией и Ираном стала быстро расширяться. В основном она осуществлялась мелкими торговцами, поставлявшими в СЦА товары невысокого качества, произведенные в Турции и Иране по европейским лицензиям. Три первых члена ОЭС не являются ведущими производителями потребительских товаров, им придется

конкурировать на рынках СЦА со странами Юго-Восточной Азии и Китаем — признанными производителями стандартизованных дешевых товаров. Экономике стран-членов ОЭС слабо дополняют друг друга и имеют очень узкую базу экспортной конкурентоспособности, специализируясь в основном на сырьевых товарах, текстиле и одежде. Поэтому перспективы для внутрирегиональной торговли ограничены, в настоящее время доля двусторонней торговли составляет от 0,5 до 1,5% у большинства стран-членов и ни у кого не превышает 5%. Кроме того, она сдерживается неразвитой транспортной сетью.

Первоначальный акцент на принятие преференциальных тарифов членами ОЭС и формирование общих интересов не дали результата, к тому же возникали проблемы с членством ряда стран в других организациях и соглашениях. Поэтому было решено отдать предпочтение односторонней торговой либерализации, тем более, что реализация торговых возможностей и инвестиционного сотрудничества больше зависит от частного сектора. Было решено создать четыре региональных института — Банк торговли и развития с уставным капиталом 400 млн. долл., совместные авиалинии, страховую компанию и компанию по морским перевозкам, но на пути реализации этих решений стали несогласие относительно места размещения компаний, нежелание нести расходы и опасения по поводу возможной утраты суверенитета. Таким образом организационные структуры ОЭС развиваются медленно, в основном расширяются двусторонние связи между странами, единственным согласованным приоритетом стало создание коммуникационных и транспортных сетей.

11 мая 1998 г. в Алма-Ате состоялась встреча глав государств-членов ОЭС, где основной упор был снова сделан на необходимость развития коммуникаций и инфраструктуры, в первую очередь нефте- и газопроводов, которые должны пройти из СЦА через Турцию и Пакистан. Н.Назарбаев подчеркнул на саммите, что участие СЦА в ОЭС не противоречит их членству в СНГ, так как они проводят "разновекторную политику", "торгуют со всем миром".

Оценивая перспективы ОЭС с ее значительным ресурсным потенциалом и 325-миллионным населением, специалисты считают, что она приобретет важное геополитическое значение. Тем не менее А.Хьюмен при этом подчеркивает серьезное несоответствие между безграничными амбициями ведущих стран ОЭС и очевидной ограниченностью финансов и технологий: ОЭС не сможет обеспечить

своим членам быстрое обогащение или немедленные выгоды, но в состоянии дать определенный импульс дальнейшего развития (41а). Общепризнано, что позитивные результаты регионализации также хорошо повлияют на вхождение стран ОЭС в мировые рынки. Однако Р. Помфрет допускает и менее благоприятный сценарий, связанный с тем, что в регионе имеют место серьезные военные конфликты, три первых члена конкурируют за политическое и экономическое лидерство, а БСР являются объектом политического давления со стороны северных соседей по СНГ (50а). А. Хьюмен обращает внимание на то, что деятельность ОЭС поднимает естественные вопросы: не является ли она первой стадией создания Исламского "общего рынка" и не есть ли это одновременно панисламская инициатива? Ответы на них, пишет он, во многом зависят от идеологических позиций: официальные круги Ирана и Турции находятся на противоположных полюсах; что касается США, то ни одно из нынешних правительств не хочет усиления роли исламского фактора в их отношениях с соседями.

Процесс глобализации, т. е. рост взаимозависимости в мировой экономической системе, в наибольшей степени относится к развитым странам. В третьем мире много слаборазвитых стран с зависимыми экономиками, которые не участвуют в глобализации и все больше становятся маргиналами. После отказа от коммунистической экономической модели США включаются в международную капиталистическую систему как подчиненные элементы; если процесс будет продолжаться, пишет Вебер, они будут превращаться в периферийные или полупериферийные экономики. Их зависимость уже проявляется в политике структурного регулирования, проводимой под эгидой МВФ. Наименее развитые США в перспективе могут стать полностью зависимыми от внешних источников финансирования (инвестиций или помощи) и привязанными к экспорту сырья: превращение их в "азиатских тигров", экспортирующих дешевые технически продвинутые готовые товары пока не предвидится, ибо они неконкурентоспособны и должны будут войти на уже поделенный мировой рынок. Наконец, их политическое будущее, как особо подчеркивают Вебер и другие специалисты, "не обещает быть демократическим". Введение рыночной экономики сопровождается безработицей и снижением уровня жизни, что создает "закономерную проблему для новых посткоммунистических режимов в критический период возросших ожиданий среди населения и может привести к экономическим и

социальным расстройством в виде радикального, часто яростного этнического национализма, популизма и, как крайний случай, фашизма" (54а, с. 326). В отсутствие гражданского общества сопротивление таким тенденциям скорее всего будет слабым, а у правящих режимов может появиться искушение установить авторитарную власть, чтобы осуществлять экономическую трансформацию, не обращая внимания на оппозицию. Таким образом, Вебер в недемократическом устройстве многих БСР, в т. ч. и США, также видит одно из препятствий для их участия в процессе глобализации в качестве полноправных членов мирового сообщества, хотя и признает их маркетизацию непреодолимым феноменом.

Внешняя торговля для экономики советских азиатских республик была жизненно важной: в конце 80-х гг. они импортировали от 20 до 30% объема своего потребления и экспортировали 18-22% произведенной продукции; при этом в их товарообороте на другие республики приходилось 80-87% импорта и 85-92% экспорта (37, с. 136). Главным торговым партнером азиатских республик была Россия. С распадом единой торговой зоны объем межреспубликанской торговли упал уже в 1991 г. на 30% и продолжал падать в последующие годы (48, с. 22). Помимо разрушительных последствий распада Союза здесь свою роль сыграло и то, что как Россия, так и США пережили исторически объяснимый период эйфории по поводу обретения независимости и резко переориентировали свою торговлю на третьи страны в ущерб своим старым партнерам. Например, Киргизия, которая вывозила за пределы Союза 2% экспорта, теперь направляла в Китай половину его объема. Все США стремились продемонстрировать свою независимость от старого центра, дистанцируясь от России. Это объяснялось наивной надеждой на быстрое утверждение на мировых рынках и масштабные иностранные инвестиции.

Эта надежда довольно быстро растаяла, встретив ожесточенную конкуренцию и ограничительную торговую практику на мировых рынках. Уже в 1995 г. начали возвращаться к своим прежним внешнеторговым партнерам Казахстан, Киргизия, Туркмения, в меньшей степени Таджикистан, и только Узбекистан открыто не признает приоритетов взаимной торговли. Но середину 1993 г. можно считать переломным моментом, когда прежде единое советское экономическое пространство оказалось перегорожено количественными и тарифными ограничениями, разностью курсов национальных валют, расхождениями между национальными

законодательными, денежно-кредитными и налоговыми системами. Республики начали формировать свои собственные экономические организмы и восстанавливать отношения с Россией, но уже на межгосударственной основе.

В настоящее время во внешнеэкономической политике всех БСР действуют и интеграционные, и дезинтеграционные тенденции. США стремятся преодолеть зависимость от России; кроме того, разные темпы и ход экономического реформирования затрудняют их взаимодействие, создают условия для необоснованных товарных и денежных потоков из стран с относительно низкими ценами и процентными ставками в страны с более высокими. Это способствует созданию новых барьеров. Напротив, укреплению интеграционной тенденции благоприятствует исторически сложившаяся взаимодополняемость экономик России и США, общие производственные и технологические стандарты, хозяйственные и человеческие связи. Они проявляются в наибольшей степени на уровне отраслей, объединений, отдельных предприятий, в виде договоров между США и российскими областями (так, на долю Челябинской области приходится почти 14% общего российско-казахстанского товарооборота, на Свердловскую — 10%). Все более важную роль играют коммерческие банки, осуществляющие межреспубликанские платежные операции лучше и быстрее, чем расчетные центры национальных банков.

Эти явления можно считать интеграцией снизу, в ходе которой именно частный сектор становится наиболее влиятельной силой, продвигающей процесс, тогда как интеграция сверху — создание нормативно-правовой базы внешнеэкономического сотрудничества России и США по линии СНГ — идет чрезвычайно замедленно (Туркмения не участвует в коллективных органах) и в настоящее время СНГ переживает если не кризис, то застой. Наиболее содержательным шагом в экономическом сотрудничестве в рамках СНГ обещало стать заключение в начале 1995 г. Таможенного союза России, Казахстана и Белоруссии, к которому в 1996 г. присоединилась Киргизия, а в апреле 1998 г. Таджикистан и заявил о своей готовности к вступлению Узбекистан. Но реализация целей союза идет замедленно, хотя он и способствовал в некоторой степени росту товарооборота. По словам председателя Интеграционного комитета Н.Исингарина, "ряд стран в ущерб партнерам по союзу идет на открытие своего рынка за счет самостоятельных тарифных уступок"; ставки таможенных пошлин Казахстана только на 60%

совпадают с согласованными между Россией и Белоруссией, в Киргизия совсем не выполнила своих обязательств по согласованию таможенной политики. Таким образом, необходима более четкая координация действий органов управления интеграцией (16а, № 10, 9-15.Ш.1998, с. 9).

На практике выясняется, что реальная интеграция национальных экономик в единый хозяйственный комплекс представляет собой длительный и трудоемкий процесс, требующий, помимо политической воли всех участников, как минимум синхронизации проведения экономических реформ, формирования законодательных и институциональных систем. Пока же экономическое сближение проявляется в основном в двусторонних отношениях.

Представляется, что процесс интеграции с Россией будет идти разными темпами и в разных масштабах для каждой из США. Хотя география внешнеэкономических отношений всех США несомненно будет расширяться, Россия скорее всего останется центром притяжения для региона в силу старых традиционных связей. Другое дело, что связи США и России, по-видимому, еще не скоро станут равноправными ввиду структурных особенностей экономик США и низкого уровня развития; в значительной степени именно из-за своей слаборазвитости они не смогут обойтись без помощи со стороны России. Россия является их крупнейшим кредитором: долг Казахстана по межгосударственным кредитам составляет 1683,8 млн. долл., Узбекистана — 557,4 млн., Таджикистана — 295,9 млн., Туркмении — 185,6 млн. и Киргизии — 150 млн. долл. (21, № 15, авг. 1997, с. 5). К этому следует добавить еще и многомиллионную текущую задолженность за поставленные Россией энергоресурсы.

Между Россией и США сохраняются обширные торговые связи. Так, в 1995 г. доля России в общем экспорте Казахстана в страны СНГ равнялась 80%, Узбекистана — 50%, Киргизии и Таджикистана — около 40%. В импорте США на долю России приходилось 71% товаров, ввозимых из стран СНГ в Казахстан, более 64% — в Узбекистан, 28-32% в Киргизию и Таджикистан; наименьший товарооборот в пределах СНГ был у России с Туркменией — меньше 3% экспорта и чуть больше 11% импорта (21, № 36, сент. 1996, с. 4). Торгово-экономические связи с Россией для США Дж. Хенли и Г. Ассаф оценивают как "господствующую и определяющую реальность в экономической, а, следовательно, и в политической сфере" (41, с. 131).

В последние годы происходит постепенное восстановление связей России и США — их общий товарооборот составил в 1996 г. 123% по сравнению с 1994 г. и 107% по сравнению с 1995 г., хотя темпы этого роста были ниже аналогичных показателей общего российского товарооборота и главной составляющей был рост цен (21, № 21, май 1997, с. 4). Правда, вызывать удовлетворение может только направление процесса, ибо сокращение торговли было настолько большим, что достижение прежнего объема потребует еще много времени и усилий.

Одним из самых крупных торговых партнеров России среди стран СНГ является Казахстан. Более 42% его экспорта идет в Россию и 49% импорта составляют российские товары (20, № 109, 28.11.1996, с. 2). Наиболее масштабно сотрудничество двух стран в области взаимобмена энергоресурсами; жизненно важны закупки руд и концентратов металлов для российских предприятий; Россия регулярно покупает казахстанское зерно. После отмены пошлин в рамках Таможенного союза товарооборот двух стран за январь-сентябрь 1996 г. вырос на 34% по сравнению с тем же периодом 1995 г. (21, № 20, окт. 1996, с. 4).

Характер узбекско-российской торговли изменился с советских времен наиболее значительно. Россия еще остается главным торговым партнером Узбекистана, который покупает российское зерно; сохраняются связи двух стран в области машиностроения, особенно в авиастроении. Вместе с тем Россия почти потеряла в Узбекистане рынок энергоносителей и сократила импорт хлопка. Качественно новое явление — ввоз на российский рынок узбекских автомобилей. В 1996 г. общий объем внешней торговли республики вырос по сравнению с 1995 г. на 33,7% (15, 4.02.1997). Узбекистан значительно больше других США переориентировался на страны дальнего зарубежья, его экспорт в страны СНГ сократился на 49% и упал до 41% его общего объема, а в страны дальнего зарубежья вырос на 89%, составив 59% всего объема. Подобная картина и с импортом (18, 21.12.1996).

В товарообороте Туркмении Россия находится только на четвертом месте, и его объем неустойчив из-за состояния туркменской экономики, центральное место занимает транспортировка и продажа туркменского газа. В киргизской внешней торговле доля России приближается к 40%, а доля Киргизии в российской торговле не достигает и 1% (15, № 192, 23.10.1996). В Таджикистане Россия закупает алюминий, концентраты цветных

металлов и хлопок (около 100 тыс. т) в основном по бартеру за оборудование и продовольствие (21, № 5, март 1996, с. 4; № 7, апр. 1996, с. 4). Характер торговли этих стран с Россией сохранился без серьезных изменений.

Региональная торговля США в действительности имеет сравнительно ограниченную базу в первую очередь из-за однотипности экономических структур, их торговый обмен до сих пор состоял по существу из энергоносителей. Наиболее активна торговля между Казахстаном и Киргизией, которая экспортирует в Казахстан 24,8% и импортирует 31,8% объема торговли со странами СНГ (1995). В узбекском экспорте в страны СНГ на долю Казахстана приходится 20,5%, в импорте 15,5%; более половины таджикского и около четверти киргизского товарооборота со странами СНГ приходится на Узбекистан (14, № 36, сент. 1996, с. 24).

Внешнеторговая деятельность в 1997 г. у всех стран США сложилась крайне неблагоприятно (см. таблицу).

Таблица 3
Объем внешней торговли США в 1997 г. в процентах к предшествующему году (20, 24.03.1998, с. 5)

	Экспорт	Импорт	Отрицательно е сальдо в % к ВВП
Казахстан	102	100,3	
Таджикистан	101	120	4
Киргизия	115	81	6
Туркмения	44	86	15
Узбекистан			3

По сведениям, приведенным Статкомитетом СНГ, из стран Содружества положительное сальдо было только у России и Казахстана; отрицательное сальдо Таджикистана и Киргизии сложилось только за счет торговли со странами СНГ. В общем товарообороте Киргизии удельный вес СНГ в 1996 г. возрос до 64%; ее основные усилия были направлены при этом на резкое наращивание экспорта и снижение импорта с целью снижения торгового дефицита,

но пока еще он остается значительным. В Таджикистане происходят изменения в механизме торговли: до 1995 г. основными импортерами были государство и кооперативы, а в 1997 г. более 70% импорта осуществляли негосударственные организации (20, 24.03.1998, с. 5; 21, № 4, февр. 1998, с. 4; 21, № 5, март 1998, с. 4).

Новыми партнерами за пределами бывшего Союза для США в первую очередь стали их южные соседи, но эта торговля ограничивается отсутствием или слабостью транспортных связей, поэтому уже строятся и проектируются новые дороги и трубопроводы. Активность в развитии связей с США первой проявила Турция. Она выделила помощь Азербайджану, Туркмении, Узбекистану и Казахстану в размере 1,3 млрд. долл.; около 400 турецких компаний широко участвуют в инвестиционных проектах в этих странах, их общие инвестиции превышают 5 млрд. долл. Быстро растет и объем турецкой торговли со странами США. В 1994 г. он достиг 640 млн. долл., а за первые три месяца 1995 г. вырос на 54% по сравнению с тем же периодом 1994 г.; приоритет отдается развитию в США транспортных путей и телекоммуникаций "с целью их открытия миру" (24, с. 41, 42).

Все США довольно быстро установили торговые отношения с Китаем, который с 1992 г. стал одним из крупнейших торговых партнеров Казахстана, Узбекистана, Киргизии. Объем торговли Китая с ними быстро растет, в основном в виде бартера, поскольку все стороны испытывают трудности с твердой валютой. Крупным инвестором и торговым партнером в США стала Южная Корея. Круг торговых партнеров США значительно расширился по сравнению с советским периодом. Размеры этой торговли иногда совсем незначительны, особенно у малых США, но динамика их впечатляет. Так, Киргизия за 1993-1995 гг. увеличила свой экспорт в Европу в 4,6 раз и в США — в 4,5 раза; Казахстан, Киргизия, Туркмения и Узбекистан в Турцию — в 2 раза; Казахстан и Узбекистан в США примерно в 3 раза. Экспорт Туркмении и Узбекистана в Китай в эти же годы увеличился в 6 раз, Киргизии в 2 раза, Таджикистана и Казахстана в полтора раза. Экспорт в страны Центральной и Восточной Европы сократился за эти годы только у Казахстана, у остальных стран он стал больше на 30-70%. Вырос в два раза импорт Казахстана и Киргизии из Турции, приблизительно в 3 раза Киргизии, Таджикистана и Туркмении из Китая, в 3-4 раза Киргизии и Узбекистана из Японии (рассчит. по: 56, с. 48, 49).

При выходе на мировой рынок выявились общие для всех США черты — низкое качество продукции, плохое знание рынков, несоответствие ассортимента спросу, общий низкий технологический и организационный уровень. Сдвиги в географии экспорта сопровождались увеличением его сырьевой составляющей. Из-за слабого знания рыночной конъюнктуры и стремления любой ценой выйти на внешние рынки США занижали экспортные цены, разница в структуре цен внутреннего и мирового рынков привела к масштабной утечке ресурсов из республик. Для импорта США оказалось характерным типичное для всех переходных экономик явление — стремление к сверхпотреблению и потому высока доля ввозимых предметов роскоши, автомобилей, электронной техники и т. п., что в значительной степени определяет складывающееся в ряде стран отрицательное сальдо торгового баланса.

В дискуссии по поводу наиболее подходящей для США стратегии развития столкнулись мнения сторонников экспортной ориентации и импортзамещения. Так, Р.Помфрет считал, что в связи с быстрым ростом численности населения и высокой долей молодежи в США остро стоит задача создания рабочих мест, что требует открытия новых сфер деятельности для выхода на мировой рынок; поэтому США должны "избежать искушения" импортзамещения и выбрать экспортную ориентацию (50). Такую же позицию занял и Беддое: рассматривая узбекскую стратегию развития, он счел ее родственной латиноамериканской модели импортзамещения 70-х годов, которая предусматривала субсидирование стратегических отраслей и защиту их с помощью валютного контроля. Он пишет, что для Латинской Америки "эта модель оказалась разрушительной и нет оснований относиться с оптимизмом к ее перспективам в США" (24а, с. 13). Р.Кемпбелл, напротив, находил импортзамещение наиболее подходящим для США, аргументируя это малыми размерами большинства стран, их удаленностью от мировых рынков и однобокой экономической структурой (29).

США следуют скорее смешанной стратегии: почти все поставили задачу продовольственного и/или энергетического самообеспечения, развития перерабатывающих производств и др.; в то же время все они стремятся к созданию открытой экспорториентированной экономики. Но подавляющее большинство западных исследователей обращают внимание на то, что США могут предложить мировому рынку только сырьевые ресурсы и дешевую

рабочую силу, не имея возможности диктовать цены, поэтому им приходится мириться с мировыми ценами на свои экспортные товары. К.Сеник-Леони и Г.Хагес, а также Дж.Сапир проанализировали конкурентоспособность и технологические производственные стандарты экспортных товаров США с точки зрения торговли по мировым ценам и пришли к выводу, что создание новых и изменение старых товарных потоков и смена рынков потребуют огромных затрат и значительного времени. Поэтому, хотя в долгосрочном плане США должны приводить свои стандарты в соответствие с мировыми, в их интересах в краткосрочном плане сохранить старые связи, поскольку разрыв последних несет риск дезорганизации производства и роста безработицы и может вынудить США сосредоточиться на товарах, пригодных для немедленного экспорта, т. е. на сырье; тогда открытие США для мирового рынка приведет к регрессивной специализации в системе международного разделения труда и утратам в технологической сфере (51, 52). В значительной степени действительность подтверждает предупреждения авторов: в экспорте всех США растет сырьевой компонент. Но с другой стороны, появление в Узбекистане новой отрасли — автомобилестроения с расширяющимися экспортными возможностями свидетельствует о потенциале быстрой переориентации отдельных отраслей по крайней мере некоторых США на изготовление и экспорт готовых товаров.

Заклучение

Успешность экономических реформ и формирования рыночной экономики в США зависит от многих экономических и политических факторов, в особенности от политической стабильности, политической воли и твердой последовательности властей в осуществлении реформ, от наличия соответствующей законодательной и институциональной базы, от качества управления на всех уровнях, от способности руководства рационально использовать ограниченные ресурсы. Важно иметь в виду, что экономическая трансформация этих стран — исключительно длительный, сложный и трудный процесс, который нуждается в широкой поддержке. Необходимы крупные инвестиции в течение длительного времени, чтобы реально оживить производство, реструктурировать его, создать народнохозяйственный комплекс и

обеспечить населению достаточно приемлемый уровень жизни. Также чрезвычайно важно сформировать соответствующие системы социальной защиты уязвимых слоев населения, а пока они не действуют, государство обязано обеспечить их защиту за счет бюджета. Для всего этого США необходима помощь России, международных организаций и развитых стран.

Опыт США показывает, что восстановление роста производства одинаково зависит и от финансовой либерализации, и от стабилизации цен; попытки остановить спад производства путем предоставления субсидий для поддержки старых структур задерживают восстановление роста; успешная макроэкономическая стабилизация требует последовательной жесткой финансовой политики; внешняя финансовая помощь может ускорить процесс трансформации, но без такой политики она способна и замедлить его и чрезмерно увеличить долговое бремя; чем острее социальная напряженность, тем сильнее будет искушение властей отказаться от быстрого реформирования экономики.

Проследивая связь между либерализацией и экономическим ростом в переходных экономиках, эксперты МБ пришли к выводу, что обычно через три года устойчивой либерализации страны восстанавливали экономический рост; производство падало медленнее или росло быстрее в более бедных, сельскохозяйственных странах, чем в более богатых и индустриализованных (39, с. 14, 29). Это наблюдение подтверждается на примере Туркмении, Узбекистана и Казахстана, но не подтверждается в Киргизии.

В первые годы независимости этим странам пришлось пройти период хаоса, нестабильности и общественных конфликтов, продолжительность которых определялась идеологическим вакуумом и неудачами в осуществлении политики перехода к рынку. Ш.Хантер увидела важные причины нестабильности в США в созданных долгими годами советского господства культуре клиентелизма и ощущения зависимости, а также в слабости руководства — “ни в одном новом государстве не появился лидер, сравнимый с Неру, Гавелом или Валенсой, который политически мыслил и действовал бы как объединяющая сила”. К тому же, добавляет она, практически все эти страны до 20-х годов были полусамостоятельными феодальными доменами и влияние этого сказывается еще и сегодня (40, с. 122).

Высокую степень корреляции между экономической политикой и характером политического режима в

посткоммунистических государствах обнаружили А.Аслунд (Фонд Карнеги), П.Боон (Лондонская экономическая школа) и С.Джонсон (ун-т Дюка). При ранжировании СЦА в их исследовании Киргизия оказалась вместе с Россией во второй группе — это “демократии с несоциалистическим правительством” и более замедленными или менее радикальными, чем в первой группе, реформами; Казахстан, Узбекистан и Туркмения отнесены к странам “с правительствами бывших коммунистов и очень малой степенью демократии”, где реформы идут постепенно; Таджикистан вошел в группу стран с высокой степенью инфляции и отложенной либерализацией, к тому же еще не избежавшей гражданской войны (23, с. 223-225). Количественный анализ взаимозависимости демократических прав и экономических свобод в СЦА за 1989-1994 гг., осуществленный П.Марреллом (ун-т штата Мэриленд, США), подтверждает вывод А.Аслунда и его соавторов, что демократия способствует экономическим реформам: более демократическая Киргизия экономически обогнала три среднеазиатские республики, где индекс демократических прав в 1994 г. был приравнен к нулю (47).

Сопоставив несколько классификаций — МБ, МВФ, ЕБРР, ЭИЮ и др., — эксперты ЕБРР пришли к выводу, что устойчивое снижение производства в переходных экономиках, в том числе и в СЦА, неизбежно связано с концом коммунистической системы, а темпы и интенсивность реформ определяются позициями бывшей коммунистической элиты. Власти, контролируемые старой элитой, в особенности же директора госпредприятий, изначально вели инфляционную политику, поскольку отложенная или замедленная реформа благоприятствовала приобретению этой элитой крупных экономических ресурсов, и как только этот процесс завершился, общее сопротивление реформам ослабло. Напротив, реформы, введенные антикоммунистическими правительствами, неизменно включали меры, направленные на разрушение чрезмерной власти бывшей элиты. Во многих случаях, даже если такие правительства не оставались у власти, “прорыв” и определенная необратимость реформам были обеспечены.

Странам Центральной Азии, за исключением, может быть, Киргизии, приходится переживать трудности, связанные скорее с первым типом смены правящих элит.

При всех колебаниях и непоследовательности политики развития, проводимой в СЦА, можно предполагать, что значительный потенциал, прежде всего наличие богатых природных ресурсов,

поможет им в среднесрочном плане решить задачи экономического роста. Но опыт ряда развивающихся стран должен служить предостережением, что их наличие может и тормозить структурную перестройку и индустриализацию, надолго оставляя такие страны в состоянии застоя. Положение осложняется тем, что кризисная ситуация создает необходимость реагировать на требования момента, что затрудняет перспективы самоподдерживаемого роста. К тому же в СЦА увеличилось социальное и имущественное расслоение, не происходит формирования среднего класса, везде царят коррупция и засилье чиновников.

Вероятной моделью развития некоторых СЦА может стать государственный капитализм в долг, подобный модели индустриализации в долг, распространенной в третьем мире и, возможно, уже складывающийся в Туркмении и Таджикистане, в меньшей степени в Киргизии и Узбекистане. Как считают эксперты ООН, некоторые из БСР к концу переходного периода станут достаточно развитыми странами с рыночной экономикой, другие, начавшие переход при более низком доходе на душу населения, длительное время будут нуждаться в такой же непрерывной международной поддержке, которая оказывается некоторым развивающимся странам (8; 25; 26; 28). Именно ко второй группе и относятся СЦА, их развитие будет идти при активной роли государства, диверсификации торгово-экономических связей и скорей всего при растущем внешнем долге. Но даже и тогда, когда им удастся наладить экономический рост, он в любом случае будет идти в условиях длительной нестабильности и низкого уровня жизни основной массы населения. Решающее значение для СЦА будут иметь характер дальнейшего развития СНГ, признание ими выгоды реальной масштабной интеграции, которая шла бы в русле общемировых тенденций экономического и политического сближения государств.

Список литературы

1. Акимов Н.В. Поиск места в мировом хозяйстве // Центральная Азия: Пути интеграции в мировое сообщество. — М., ИВ РАН, 1995. — С. 86-107.
2. Европейский банк реконструкции и развития. Годовой отчет, 1995. — Лондон, 1996. — 88 с.
3. Кажегельдин А.М. Социально-экономические проблемы развития республики Казахстан в условиях реформ. — М.: Финансы и статистика, 1995. — 312 с.

4. Каримов И.А. Узбекистан: Свой путь обновления и прогресса. — Ташкент: Узбекистан, 1992. — 72 с.
5. Макарова С.М. Преобразование валютно-финансовой сферы в странах Центральной Азии // Банковское дело. — М., 1996. — № 4. — С. 6-10.
6. Макарова С.М. Проблемы и перспективы внешнеэкономических связей стран Центральной Азии // Междунар. бизнес России. — М., 1996. — № 4. — С. 3-6.
7. Маханов Н. Прямые иностранные инвестиции в экономику Казахстана // Евразийское сообщество: Экономика, политика, безопасность. — Алма-Ата, 1996. — № 3. — С. 80-89.
8. Мировая экономика в начале 1996 г. Экон. и соц. Совет ООН. — Е/1996/JNF/1 — 5ganv. 1996. — 58 с.
9. Музапарова Л. Передача промышленных предприятий в иностранное управление как феномен в экономике Казахстана // Евразийское сообщество: Экономика, политика, безопасность. — Алма-Ата, 1996. № 4. — С. 97-106.
10. Муллажанов Ф.М. Основные направления деятельности Центрального банка Республики Узбекистан // Деньги и кредит. — М., 1997. — № 1. — С. 52-55.
- 10а. Обаева А.С., Бурабаев Е.О. К вопросу о внешнем долге государства и управлении им // Деньги и кредит. — М., 1998. — № 3. — С. 65-71.
11. Среднесрочная программа экономических реформ в Казахстане. 1996-1998 г. — Алма-Ата, 1996. — Ч. 1. — 536 с.
12. Терещенко С.С. Казахстан: Экономика, реформа, рынок. — М.: Ин-т экономики РАН, 1993. — 142 с.
13. Экономика внешних связей России. — М., Изд-во БЕК, 1995. — 697 с.
14. Ваш партнер-консультант. Прилож. "Экономика и жизнь". — М., 1996.
15. Деловой мир. — М., 1996-1998.
16. Известия. — М., 1996-1998.
- 16а. Интерфакс — АиФ. — М., 1998.
17. Лит. газ. — М., 1996.
18. Независимая газ. — М., 1996-1997.
19. Сегодня. — М., 1996-1997.
20. Финансовые изв. — М., 1996-1998.
21. Экономические новости России и Содружества. — М., 1995-1998.
22. Arnold J. Kyrgyzstan // Business Central Europe. — L., 1997. — Vol. 5, N 33. — P. 66.
23. Aslund A., Boone P., Johnson S. How to stabilize: Lessons from post-communist countries // Brookings paper in econ. activity. — Wash., 1996. — N 1. — P. 217-313.
24. A. or C. Turkey and the Central Asian republics // Central Asia. — Peshavar, 1996. — N 39. — P. 37-45.
- 24а. Beddoes Z.M. Central Asia. // Economist. — L., 1998. — Vol. 346 N 8054. — P. 1-18.
25. Business Central Europe. The Annual, 1995/96. — L., 1995. — Dec. — 66 p.
26. Business Central Europe. The Annual, 1996/97. — L., 1996. — Dec. — 70 p.
- 26а. Business Central Europe. The Annual, 1997/98. — L., 1998. — 69 p.
27. Trade policy reform in the countries of the former Soviet Union / By Boorman J., Kirmani N., Enders K., Corsepilus U. — Wash., IMF, 1994. — 73 p.
28. Bremmer J. Finding Central Asia // Harriman rev. — N.Y., 1995. — Vol. 8, N 2. — P. 5-10.
29. Campbell R.W. Pen.: Pomfret R. The economies of Central Asia // J. of comparative economics. — N.Y., etc. 1996. — Vol. 23, N 2. — P. 226-229.
30. Central Asia and the World: Kazakhstan, Uzbekistan, Tajikistan, Kyrgyzstan and Turkmenistan/Ed. By Mandelbaum. — N.Y., Council of Foreign relations press, 1994. — VII, 251 p.
31. Central Asia in historical perspective / Ed. by Manz B. — Boulder; Westview, 1994. — X, 245 p.
32. Central Asian promise // Banker. — L., 1997. — Vol. 147, N 853. — P. 35-40.
33. Common issues and interrepublic relations in the former USSR / Intern. Monetary fund; Prep. under the directions of Odling-Smee J. at al. — Wash., 1992. — V, 55 p.
34. Doronin S.V., McMillan Ch.Y. Making the capitalist transition: a case study of a new CIS republic // Business and the contemporary world. — Berlin: N.Y., 1995. — Vol. 7, N 5. — P. 139-156.
35. Easterly W., Fischer S. What we can learn from the Soviet collasps // Finance a. development. — Wash., 1994. — Vol. 31, N 4. — P. 5-7.
36. Fischer S., Sahay R., Vegh C.A. Stabilization and growth in transition economies: The early experience // J. of economic perspectives. — Princeton, 1996. — Vol. 10, N 2. — P. 45-66.
37. The former Soviet Union in transition / Ed. by Kaufman F., Hardt J. — Armonk (N.Y.); L.: 1993. Sharpe. — XXIV, 1222 p.
38. Frischenschlager A. Turkmenistan on its way to political and economic independence // Eurasian studies. — Ankara, 1995. — Vol. 2, N 3. — P. 38-50.
39. From plan to market: World development report, 1996. — Oxford: IBRD/WB: Oxford univ. press. — IX, 241 p.
40. Gretskey S. Central Asia and the Caucasus // Middle East j. — Wash., 1997. — Vol. 51, N 1. — P. 121-123.
41. Henley J.S., Assaf Y.B. The challenge for industrial development in the Central Asian republics of the former Soviet Union//Most. Dordrecht etc., 1996. — Vol. 6, N 2. — P. 111-137.
- 41а. Hyman A. Power and politics in Central Asia's new republics // 'Beyond the Soviet Union: the fragmentation of power. — Aldershot etc.: Ashgate, 1997. — P. 193-221.
42. Kanbolat N. Eurasian studies. — Ankara, 1995/96/ — Vol. 2, N 4. — P. 43-61.
- 42а. Kaser M. The economies of Kazakhstan and Uzbekistan / Former Sov. South project. Russ. a. Eurasia progr. — L.: Roy. Inst. of intern. affairs, 1997. — IX, 73 p.
43. Kazakhstan: Euromarkets beckon // Euromoney. Suppl. — L., 1996. — Swpt. — P. 404-409.
44. Kyrgyzstan // IMF survey. — Wash., 1994. — Vol. 23, N 17. — P. 274.
45. Kyrgyz Republic: Sound policies yield economic improvements//IMF survey. — Wash., 1996. — Vol. 25, N 17. — P. 277-279.
46. Michalopoulos C., Tarr D. Energizing trade of the states of the former USSR // Finance a. development. — Wash., 1993. — Vol. 30, N 1. — P. 22-25.
47. Murrell P. How far has the transition progressed? // J. of econ. perspectives. — Princeton, 1996. — Vol. 10, N 2. — P. 25-44.
48. Odling-Smee J.; Financial relations among countries of the former Soviet Union.: IMF, 1994. — V, 54 p.
49. Olcott M. Central Asia's post-empire politics // Orbis. — Philadelphia, 1992. — Vol. 36, N 2. — P. 253-268.
50. Pomfret R. The economies of Central Asia. — Princeton, 1995. — VII, 217 p.
- 50а. Pomfret R. Economic cooperation organization: current status and future prospects // Europe-Asia studies. — Glasgow, 1997. — Vol. 49, N 4. — P. 657-667.

51. Sapir J. The regional implications of the monetary crisis // European economy. — Luxemburg, 1993. — N 49. — P. 163-179.
52. Senik-Leygonie C., Huges G. Industrial profitability and trade among the former Soviet republics // Econ. policy. A. European forum. — Cambridge, 1992. — Oct. — P. 354-386.
53. Tajikistan: war and order // Euromoney. Suppl. — L., 1996. — Sept. — P. 420-428.
54. Timewell S. Exotica in a rut. // Banker. — L., 1994. — Vol. 144, N 822. — P. 49-56.
- 54a. Webber M. The international politics of Russia and the successor states. — Manchester; N.Y.: Manchester Univ. press, 1996. — XVII, 366 p.
55. World outlook...: Forecasts of polit. a. econ. trends in over 180 countries / Economist intelligence unit. — L.: EIU, 1996. — V, 285 p.
56. World trade organization. Annual report, 1996. — Geneve, 1996. — Vol. 2. — 187 p.
57. Yahya E.M. Pakistan's prospects for trade with Central Asian Republics // Central Asia. — Peshawar, 1995. — N 37. — P. 1-16.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В СНГ

Проблемно-тематический сборник

Технический редактор В.Б.Сумерова

ЛР № 020990 от 15.05.95 г.

Подписано к печати 4/XI-98 г.

Формат 60x84 /16

Усл.-печ.л. 8,5

Тираж 250 экз.

Печать офсетная
Уч.-изд.л 8,0

Бум.кн.-журн.

Свободная цена

Заказ № 114

ИНИОН РАН, Москва, Нахимовский пр.-кт, д. 51/21

042(02)9